Цена номера 10 коп.

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центр. Ком. и Моск. Ком. ВКП(б)

АПРЕЛЬ 16 1933 г. ВОСКРЕСЕНЬЕ. № 105 (5631).

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ВЫВЕДЕМ УГОЛЬНЫЙ ДОНБАСС НА БОЛЬШУЮ ДОРОГУ ПОБЕД!

По телеграфу от выездной бригады „Правды“.

Обращение первой вседонецкой конференции ударников угольных шахт.

Ко всем рабочим и работницам, ко всем инженерам и техникам угольного Донбасса.

Товарищи!

Решение Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и Совета Народных Комиссаров СССР о работе угольной промышленности по-большевистски, ясно и прямо указало нам, горнякам Донбасса, причины невыполнения плана добычи угля, позорящего нас перед лицом всей социалистической страны. Много раз требовали от горняков Донбасса миллионы пролетариев Советского союза ответа — почему мы плохо работаем, почему мы по-большевистски не преодолеем причины этой плохой работы. Мы этот вопрос оставляли без ответа. Мы продолжали из рук вон плохо работать, изо дня в день недодавали стране уголь и этим тормозили работу наших важнейших заводов, фабрик.

Теперь этот ответ дали ленинский Центральный Комитет и Совнарком. В своем постановлении Центральный Комитет по-сталински четко показал нам всем настоящие причины отставания угольного Донбасса и сурово, так, как мы этого заслужили, оценил негодную работу угольной промышленности.

Мы прямо должны сказать, что это решение, которое раскрывает все больные места угольной промышленности, есть подлинная большевистская правда, ибо только плохая наша работа является единственной истинной причиной недодачи угля.

Правильно сказал наш ленинский ЦК о том, что вместо настоящей борьбы за уголь у нас есть «позорное движение назад». Правильно сказал ЦК, что у нас на шахтах большая текучесть рабочей силы, что десятки тысяч прогульщиков, летунов кочуют из шахты на шахту, не выходят на работу, не выполняют своих норм, загоняют коня, ломают механизмы, срывают нашу работу — работу передовых ударников, и являются виновниками недодачи угля.

Правильно сказал Центральный Комитет, что у нас. в Донбассе, руководство шахтой поставлено по-канцелярски, бюрократически, вместо того, чтобы наши шахты, на которых работает множество механизмов, по-настоящему наладить, наладить так, как хороший большой завод.

Правильно сказал Центральный Комитет, что у нас на шахтах по двадцать заведующих разных отделов. Если быстро нужно добиться толку в производственном вопросе — ходишь от двери к двери, а порядка не добьешься.

Правильно сказал Центральный Комитет, что у нас на шахте, в забое мало хороших руководителей, а вот квалифицированные инженеры сидят в трестовских и рудоуправленческих канцеляриях, занимаются никому не нужной перепиской. Правильно сказал ЦК, что у нас плохо организована зарплата, еще есть уравниловка, и от этого польза лодырям и бездельникам, в то время как труд лучших рабочих поощряется недостаточно.

Вот, товарищи горняки, по каким причинам наш угольный Донбасс находится в прорыве. Об этом нам решительно сказали Совнарком и Центральный Комитет.

Об этих причинах не раз задумывались и мы, ударники, но только не сумели мы их полностью вскрыть, рассказать каждому рабочему. Но Центральный Комитет нашей большевистской партии, под знаменем которой мы отвоевали Донбасс и переделываем его на новый, социалистический лад, во главе с нашим вождем тов. Сталиным, всегда правдиво и прямо говорит рабочему классу о недостатках и трудностях и на этот раз также с ленинской прямотой показал нам причины и виновников угольного прорыва.

Мы не успели их сами разоблачить, ибо долго очень позволяли болтать всякого рода людям о том, что слишком-де большие и нереальные программы добычи, что, мол, Донбасс недодает уголь потому, что нам того и этого и третьего нехватает. Этими разговорами занимаются оппортунисты, которые для того, чтобы прикрыть свое бездействие, выдумывали да выискивали разные причины.

Каждый донецкий пролетарий знает, что все эти об'яснения подсказаны нашими врагами, ибо **благодаря коммунистической партии и ее Центральному Комитету мы Донбасс перестроили. На месте старого Донбасса, Донбасса жестокой капиталистической эксплоатации, Донбасса отсталых шахт с тяжелым 12-часовым ручным трудом, вырос новый, социалистический, механизированный Донбасс с тысячами машин, электровозами, Донбасс новых рабочих поселков, городов, в которых построены дворцы, парки культуры, рабочие столовые, больницы и другие культурные учреждения.**

Мы знаем, что трудностей еще много, но мы знаем, что коммунистическая партия и ее ленинский Центральный Комитет много сил отдали переустройству Донбасса, много заботились об улучшении бытовых условий горняков. Мы знаем, товарищи, что усилиями советского правительства лучшее снабжение достается нам, горнякам Донбасса. А мы все еще продолжаем недодавать уголь и мешаем этим нашей стране одерживать новые социалистические победы.

Наша бурно растущая промышленность требует угля, а мы вместо того, чтобы использовать всю силу механизмов, чтобы получше организовать работу на шахте, использовав новые системы, терпим в своих рядах прогульщиков и летунов, позволяем им срывать труд ударников, терпим канцелярско-бюрократические порядки на шахтах, терпим неразбериху и безответственность, ну, словом, все то, что нам сказали в своем постановлении Центральный Комитет и Совнарком, что мешает нам выполнять план угледобычи.

Пора с этим кончать, товарищи! **Мы, с'езд представителей ударников Донбасса, заявляем, что больше не позволим бездельникам и летунам, прикрывающимся маской рабочего, безучим руководителям срывать наш социалистический труд! Раз и навсегда прекратим позорное движение назад!** Мы хотим работать на хорошо организованных, механизированных подземных фабриках! Мы хотим работать новыми, ударными методами! Мы хотим следовать примеру лучших, и мы не хотим больше проваливать программу угольной добычи из-за методов канцелярско-бюрократического, антимеханизаторского руководства, тянущих наши шахты назад.

Товарищи горняки! Вдумайтесь в постановление Совнаркома и ЦК, и тогда вам ясно станет, почему на тех шахтах, где руководство, ударники сумели разгромить антимеханизаторские настроения, где руководят работой по-коммунистически, а не по-канцелярски, где борются с летунами и прогульщиками, там шахты, забои и механизмы не только выполняют, но и перевыполняют план. А вот на ряде других шахт существует безобразная разгильдяйская неразбериха, когда добыча лучшей бригады срывается из-за того, что вовремя не подошел порожняк, несвоевременно перенесен конвейер, запоздал бурильщик или запальщик, нехватило зубков для режущей цепи, не произведено крепление. Ликвидировав эти безобразия, выполнив решения ЦК, **мы выведем угольную промышленность на большевистскую дорогу побед.**

Мы заявляем Центральному Комитету, что, сплотившись под руководством нашей донецкой партийной организации, не потерпим тех, кто пытается смазать большевистское решение ЦК и отмахнуться от выполнения его на деле, кто попрежнему захочет тянуть оппортунистическую волынку великого рода оправданий своей преступной работы, кто будет проявлять мелкобуржуазную терпимость к тунеядцам и паразитам вместо решительной борьбы за социалистический, механизированный Донбасс.

Приветствуя решение СНК и ЦК как решение, выражающее волю всех рабочих СССР, и принимая его к руководству, мы, ударники угля, сами берем на себя и призываем шахтеров Донбасса присоединиться к нам по следующим обязательствам:

1) Мобилизовать всю свою активность для ликвидации организационного неустройства на шахтах, уничтожения «обанкротившегося канцелярско-бюрократического метода руководства угольной промышленностью». По требование ЦК будут ликвидированы лишние должности в управлении шахтами, сокращены канцелярские работники и увеличено количество квалифицированных техников и инженеров непосредственно на шахте. На основе мероприятий, намеченных постановлением СНК и ЦК, нужно покончить с разгильдяйством на шахтах, ввести настоящий пролетарский производственный порядок, так, чтобы каждый рабочий и техник действительно отвечал за порученное ему дело.

Нашей первейшей обязанностью, обязанностью всех донецких шахтеров является восстановление на шахтах железной трудовой дисциплины. Мы знаем, что обязанностью каждого честного пролетария должно быть не только выполнение личного производственного задания, но защита своего ударного труда, коммунистического труда своих товарищей ударников от разлагающих враждебных, чуждых социализму элементов.

Всю силу классовой пролетарской ненависти, всю силу общественного воздействия, железных законов пролетарской диктатуры нужно мобилизовать для того, чтобы решительно прекратить летунство, искоренить прогулы. Рабочие-шахтеры должны следить за тем, чтобы прогульщики и летуны немедленно увольнялись и подвергались общественному бойкоту и не принимались на другие работы. Донецкие шахтеры должны предупредить всех летунов и срывщиков производственных норм, что их взяла под наблюдение вся шахтерская общественность, которая не потерпит с их стороны ни малейшего срыва трудисциплины.

2) Донецкие шахтеры обязаны добиться совершенного прекращения текучести. Давайте прикрепим лучших ударников к вербуемым, поможем им быстрее освоиться с шахтой, будем следить за тем, чтобы по отношению к ним были выполнены все решения партии по улучшению материально-бытовых условий.

Для расширения и укрепления собственной продовольственной базы мы должны вовлечь всех шахтеров в помощь нашим ОРС, в широкое развитие индивидуального огородничества, организовав общественный контроль для улучшения работ столовых и магазинов, приведения в порядок шахтерских общежитий и поселков.

3) Все рабочие-шахтеры должны бороться за то, чтобы возможно скорее и полнее было осуществлено решение ЦК об увеличении прогрессивной оплаты. Вся шахтная общественность должна быть вовлечена в борьбу с рвачами, а, наоборот, все выполняющие нормы должны соответственно поощряться зарплатой и премированием за сохранность и бесперебойность работы механизмов.

4) Нашей первейшей обязанностью, товарищи шахтеры, является увеличение производительности всех механизмов и особенно повышение цикличности врубовых машин—решающих механизмов добычи. Шахтеры Донбасса берут на себя обязанность добиться того, чтобы механизаторы, слесаря и машинисты, систематически производили предварительный осмотр машин, тщательную смазку, своевременный и быстрый ремонт. Машинисты врубовых машин должны быстро сменять зубки, не допускать зажима бара, не оставлять баров в врубовых щелях. Особое внимание должно быть уделено конвейерам, ни в коем случае не допускать их забуривания, производить быстрее перестановку, тщательное заболчивание рештаков. Каждая бригада должна наблюдать за правильным, своевременным креплением забоев.

5) Вместе со всей шахтерской массой мы обязуемся добиться действительного перелома в проведении новых методов работы, поощряя каждое техническое усовершенствование. Нужно добиться работы по графику, не допускать простоев, обеспечить наилучшее управление кровлей, быстрое прохождение штреков.

6) Цельными шахтами мы возьмем шефство над лошадьми, борясь с вредительской работой кулацких элементов, которые повторяют на шахтах практику краж кормов, преступного и безобразного отношения к лошади. Перед рабочим коллективом каждой шахты стоит задача — и мы ее выполним — наладить работу движения, добиться образцового порядка и обеспечить своевременную доставку порожняка к лавам.

7) Шахтеры Донбасса! На нас всех лежит обязанность следить за работой курсов по поднятию квалификации, организованных по решению ЦК для того, чтобы в самый кратчайший срок дать нашим шахтам технически грамотных машинистов врубовок, забойщиков, камерonщиков, электрослесарей, лебедчиков и рабочих других профессий. Мы—ударники угля — будем действительными ударниками учебы, дадим пример другим товарищам, подняв свою квалификацию, широко будем передавать свой опыт молодым рабочим.

8) Мы обращаемся ко всем инженерам и техникам угольной промышленности с требованием немедленно перестроить свою работу, сделать свое руководство достойным механизированных шахт.

На основе 6 исторических условий т. СТАЛИНА в Донбассе создано неограниченное поле для творческой деятельности старых специалистов и наших молодых, советских инженеров. Очередь за вами! Вы должны стать подлинными социалистическими организаторами нашей обновленной механизированной угольной промышленности. Меньше канцелярской переписки, больше настоящего творческого технического руководства непосредственно в шахте, в забое!

Товарищи рабочие угольного Донбасса! Наша страна под испытанным ленинским руководством большевистской партии, во главе с нашим вождем тов. **Сталиным** добилась гигантских, всемирно-исторических побед, завершив в первой пятилетке построение фундамента социалистического общества.

Гигантский рост страны победившего социализма происходит в то время, когда капиталистический строй во всем мире задыхается в тисках невиданного кризиса и хозяйственного развала, когда капитализм ищет выхода из тупика в фашизме, в зверских расправах с растущим революционным под'емом пролетариата, в усилении капиталистического гнета, *ищет выхода из кризиса в войне* против единственной в мире социалистической страны.

Наша обязанность — революционная обязанность рабочего класса СССР—еще более крепить оборону страны, а это прежде всего значит еще лучше организовать работу на предприятиях, шахтах, в колхозах и совхозах, еще больше производить угля, металла, машин, автомобилей, тракторов и хлеба. **Это прежде всего значит ликвидировать отставание угольной промышленности, которое задерживает движение вперед всего народного хозяйства.**

Товарищи рабочие угольного Донбасса! В истории борьбы за нашу социалистическую страну *донецкий пролетариат* совершил немало славных подвигов, ломая на своем пути не одно препятствие и трудности, будучи непоколебимо преданным своему испытанному руководителю—ленинской коммунистической партии и ее Центральному Комитету. Но теперь эти славные подвиги донецких пролетариев запятнаны уже долго длящимся угольным прорывом.

Каждый честный донецкий пролетарий с болью сознает справедливость упреков всей нашей социалистической страны, обращенных к угольному Донбассу. Каждый честный донецкий шахтер с болью сознает всю справедливость суровой оценки работы угольной промышленности, ее руководства, данной Центральным Комитетом партии и правительством. Больше мы этого терпеть не можем! **Большевистская критика и директивы Центрального Комитета станут знаменем для мобилизации всех наших сил, всей нашей революционной воли, всей настойчивости и энергии для окончательной ликвидации угольного прорыва.**

Угольный Донбасс выполнит решение своей большевистской партии, ее ленинского Центрального Комитета во главе с нашим любимейшим вождем тов. **Сталиным. Социалистическая страна должна получить и получит уголь.**

Довольно прорыва! На борьбу за большевистскую победу на фронте угля!

За действительное выполнение исторического решения СНК и ЦК!

Выше знамя социалистического соревнования и ударничества!

Да здравствует наша ленинская ВКП(б) и ее ЦК! Да здравствует наш вождь и организатор побед т. СТАЛИН!

ВСЕДОНЕЦКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ УДАРНИКОВ УГЛЯ.

Делегат вседонецкой конференции шахтеров-ударников бакинский нефтяник т. ВДОВИН на митинге горняков шахты № 30, отстающей в Донбассе.

ЛИЦО КОНФЕРЕНЦИИ УДАРНИКОВ-ШАХТЕРОВ.

(От нашей выездной бригады).

СТАЛИНО, 15 апреля. На первой донецкой конференции ударников-шахтеров присутствовало *393* делегата с решающим голосом и более *200* гостей. В составе делегатов—138 коммунистов, 33 комсомольца, 222 беспартийных. По рабочему стажу—221 шахтер свыше 10 лет, 87—свыше 5 лет, 85—до 5 лет. На конференции был представлен цвет Донбасса, его кадровый костяк, заслуженные шахтеры.

По профессиям состав конференции распределяется так: забойщиков—247, машинистов врубовых машин—32, крепильщиков—34, инженеров и техников—12, прочих профессий—58.

ОБРАЗЦОВАЯ РАБОТА ТЕЛЕГРАФА СТАЛИНО, ХАРЬКОВА И МОСКВЫ.

Редакция «Правды» считает необходимым отметить образцовую работу по передаче и приему для «Правды» материалов вседонецкой конференции шахтеров-ударников работников телеграфа городов **Сталино** (директор т. **Гайдаш**), **Харькова** (директор т. **Покидаев**) и **Москвы** (начальники смен тт. **Соломонов** и **Пановаров**).

Особую четкость и быстроту проявили следующие работники сталинского телеграфа: приемщики **Соловьева, Лыгаева, Цыбина, Тарновская,** бодисты **Даниленко, Манутин, Табачников, Моисеевич, Соловьев, Лейферман, Негрич;** старшие по аппаратной **Пугушев, Пименов, Тучин, Магометов;** техники **Манутин, Гаврилов, Етин.**

НОВАЯ ПРОВОКАЦИЯ.

ЧИТА, 13 апреля. **(От собственного корреспондента «Известий»).**

По сведениям, заслуживающим внимания, японские круги в Манчжурии решили захватить КВЖД.

В целях подготовки почвы для захвата ими искусственно создаются всякого рода поводы для конфликтов, вроде незаконного требования о возвращении паровозов, не принадлежащих КВЖД, и вагонов, застрявших в СССР во время перерыва сообщения на обоих концах КВЖД в результате военных действий между японскими войсками и китайскими частями, приостановки движения транзитных грузов по КВЖД, ареста советских граждан и т. п.

Но так как эти поводы признаны недостаточными, то, по указанным сведениям, предполагается организовать различного рода провокационные акты, вроде разрушения мостов, водокачек и т. д., с приурочиванием этих актов ко второй половине апреля или к 1 мая.

АНТИСОВЕТСКАЯ КАМПАНИЯ НА К.-В. Ж. Д. ПРИНИМАЕТ СЕРЬЕЗНЫЙ ХАРАКТЕР.

ХАБАРОВСК, 14 апреля. (Роста). За последнее время японские и белогвардейские газеты в Манчжурии, возглавляемые официозным агентством **«Кокуцу»,** начали ожесточенную антисоветскую кампанию, направленную против советских представителей на КВЖД, обвиняя их в том, что они якобы перебрасывают на дороги СССР паровозы и вагоны, принадлежащие КВЖД.

Эта кампания открыто поддерживается некоторыми японскими чиновниками министерства путей сообщения Манчжоу-Го, выступающими с заявлениями в японской и белогвардейской печати, в которых содержатся те же провокационные обвинения против советских представителей на КВЖД.

В японской газете **«Харбинское время»** некий Танака, за которым, как утверждают, скрывается видный сотрудник японской военной миссии в Харбине, пытается доказать, что паровозы не принадлежат СССР, и требует принятия репрессивных мер Манчжоу-Го и Японией.

Характерно появление в той же газете заявления некоего Гуцади—советника ЮМЖД, который также доказывает, что указанные выше паровозы не принадлежат СССР и что «по поводу возврата угнанных советскими представителями депаподов не может быть двух мнений: советское правительство должно вернуть их».

Беспощадно карать врагов народа.

На скамье подсудимых по делу о вредительстве на электростанциях СССР в Октябрьском зале Дома союзов сидят не только английские подданные, но и советские граждане, в большинстве своем государственные служащие. Из 17 подсудимых—вредителей, шпионов, диверсантов, этих неистовствующих врагов трудового народа, 11 человек—советские граждане. Их многочисленные показания известны нашим читателям по обвинительному акту и материалам судебного процесса, напечатанным в «Правде».

По своему положению и предоставленным правам подсудимые — в большинстве своем государственные служащие— **особенно обязаны были проявлять к рабоче-крестьянскому государству честное и добросовестное отношение.** Пролетарское государство доверило им работу на ответственных участках народного хозяйства. Но они не только не защищали интересы рабоче-крестьянского государства, но сами стали на путь вредительства, шпионажа и диверсий. Как **черви,** забрались они в электростанции — *в сердце промышленности* — и систематически организовали аварии, выводили из строя турбины, котлы, засоряли подшипники, пробивали обмотку и т. д., чтобы лишить социалистические предприятия тока, чтобы остановить производство, чтобы вызвать разруху и замешательство, чтобы ослабить мощь страны. В этих преступлениях они признались перед пролетарским судом.

Кто они?

Тени вчерашнего рабского дня России. Осколки господствовавших до революции классов и их прихлебателей. Отбросы технической интеллигенции, прочно не перешедшей на сторону рабочего класса и строящей вместе с ним социалистическое общество.

Вот, например, шпион и вредитель **Гусев**—белобандит, колчаковец. Добровольцем, с оружием в руках он боролся с Красной армией в те годы, когда капиталисты и помещики в союзе и при поддержке интервенционистских войск, среди которых были и соседи Гусева по скамье подсудимых, пытались сокрушить диктатуру пролетариата. Гад и трус, он ушел из стана белых тогда, когда выяснилось, что положение безнадежное.

Гусев пригнулся для того, чтобы другими средствами продолжать войну с трудящимися. **Он выводил из строя аггрегаты Златоустовской электростанции, начальником которой он был, чтобы ослабить обороноспособность страны.** Этот колчаковец пытался порчей оборудования электростанции, как ключем, открыть ворота Советского союза перед новой интервенцией.

Соколов, второй колчаковец, с оружием в руках боролся за помещиков и капиталистов. **Лобанов**—кулак. Его отец, как святая троица, об'единил в своем лице мельницу, маслобойный завод, купеческую лавку. В поисках потерянного рая—имущества своего отца, конфискованного революцией, он очутился в об'ятиях английских шпионов и диверсантов. **Кутузова** — советская гражданка, продавшаяся английским шпионам. И остальные—подонки, утиль большой революционной эпохи, мелкие продажные душонки, расценивaемые на пятаки, пальто, пару чулок и т. д.

Все они—**Гусев, Соколов, Зиверт, Лобанов, Зорин, Крашенинников, Котляревский, Сухоручкин, Кутузова, Лебедев, Олейник**—ненавидят советский строй. Это их всех об'единяет. И когда к ненависти в качестве платного приложения появились деньги иностранной разведки, они сделались тем, чем стали,—вредителями, шпионами.

Посмотрите на эту человеческую падаль, на этих мерзавцев, которые продавались оптом и в розницу интервентам. Вслушивайтесь внимательно в показания этих изменников, которые жизненные интересы страны сделали предметом купли и продажи! Ненависть ко всему рабочему и крестьянскому руководила убийственно-преступными действиями этих осколков погибших в нашей стране эксплоататорских классов. Они выпускают свой яд в надежде отравить все вокруг, в надежде превратить мир в нору разадавленных и издыхающих змей.

Эта банда шпионов и вредителей действовала на электростанциях в крупных промышленных центрах: в Златоусте, Челябинске, Зуевке, Иванове, «Мосэнерго», Баку. Она хотела нанести нам удар в чувствительное место и принесла немало вреда.

Нам эти города дороги, так же как дорог нам весь Советский союз. Рабочие и крестьяне выпестовали свою страну. **Трудовой народ с гордостью и любовью смотрит на свое советское отечество!** С каким героизмом лучшие люди нашей страны из рабочих, колхозников, специалистов ведут кладку гигантского здания социализма!

О чем шумят нам ветры нашей страны?

О великом революционном порыве трудового народа, который впервые в мировой истории разорвал цепи рабства и эксплоатации и который создает новую солнечную, радостную жизнь социалистического общества для всех трудящихся. Этот порыв рождает героя. Этот порыв рождает социалистического человека.

Вспомните, как ударники воздвигали домны Магнитогорска и Кузнецка. Вспомните радостное эхо шума казыбленных плетиной пролетарской диктатуры днепровских вод, разносившееся по всем уголкам нашего великого социалистического отечества. Вспомните первый с'езд колхозников-ударников, — **как ярко горят на советском небосклоне новые люди в колхозной деревне, новые Чапаевы коллективизации!** Позавчера только закончилась вседонецкая конференция шахтеров-ударников, где лучшие люди Донбасса с боевым кличем: **больше угля!**—еще выше подняли ленинское знамя социалистического соревнования. Больше угля для топок Советского союза, для его железных дорог, для его металлургии, которая уже перевалила через второй десяток тысяч тонн ежесуточной выплавки чугуна!

Мы творим величайшее историческое дело. Мы двигаем пролетарскую революцию вперед. Окруженные врагами, рабочие и крестьяне Советского союза строят социализм за свой собственный трудовой счет. Мы бережем каждую копейку. Мы экономим. Нам дорог каждый кирпич, каждая тонна хлеба, металла, каждое предприятие, станок, каждый рабочий и крестьянский дом!

А вот подкупленные советские служащие—шпионы, вредители, сидящие на скамье подсудимых, пытались нам нанести удар в спину.

Мы строим—они разрушали!

Мы сохраняем государственные тайны—они их разглашали!

Мы увеличиваем мощность электростанций — они ее уменьшали!

Мы укрепляем обороноспособность страны—они пытались ее расшатать!

Люди, занимавшие ответственные посты,—начальники электростанций, инженеры, техники,—о которых государство особенно заботится, ставя их в хорошие условия жизни и работы, ответили на это черной неблагодарностью изменников. Гусев, например, в своих показаниях говорил:

«Материальная сторона играла для меня второстепенную роль, тем более, что я материально был обеспечен». А все-таки вредил и шпионил—из зоологической ненависти к советской власти!

Центральный исполнительный комитет Союза ССР недавно в постановлении **«Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты»** раз'яснил, что уличенные во вредительстве, взрывах, порче машин, диверсиях государственные служащие **должны караться с особой строгостью.**

Никакой пощады врагам советского государства, врагам рабочих и крестьян!

Каленым железом выжигать вредителей, шпионов и диверсантов, пробравшихся в государственный аппарат! Мечом пролетарской диктатуры, самыми беспощадными репрессиями надо пресечь возможность проникновения в государственный аппарат классовых врагов, вредящих Советскому союзу.

Рабочие и крестьяне неоднократно доказали, что они умеют охранять свое государство, неприкосновенность его границ, что они умеют расправляться с контрреволюционными элементами.

Тот, кто поднимает руку на Советский союз, погибнет! История не раз это доказала. Вредитель, изменник, шпион, пытающиеся наносить нам удар с тылу, будут беспощадно наказаны! Взяточники, наносящие урон народному хозяйству, должны быть истреблены. Общественная собственность — предприятия Советского союза, его поля, железные дороги, склады — **священна и неприкосновенна. Горе тому, кто покушается на добро трудового народа!**

В стране поднимается новая волна социалистического соревнования. Колхозы и совхозы перекликаются с фабриками и заводами, домна с домной, район с районом, Баку с Донбассом! Края, области, республики. Лучшие люди рабочего класса и крестьянства дают себе новые обеты лучше, производительнее работать в колхозе, на предприятии, в шахте. Страна в первом году второй пятилетки наливается новыми крепкими весенними соками.

Но враг не дремлет. Выбитый из своих позиций, потерявший всякие надежды на будущее, он озверел от злобы к нашему строю. Он расползается по стране, чтобы вредить и шпионить, где только возможно, там, где ослабла революционная бдительность.

Поэтому еще больше классовой бдительности! Коммунисты, комсомольцы, передовые рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, ударники фабрик, шахт, заводов, социалистических полей, все трудящиеся великой Страны советов, — **бодрствуйте!** Пролетарские революционеры, организуйте охрану общественной собственности, укрепляйте революционную крепость государственного аппарата Советского союза.

Беспощадно накажем вредителей, шпионов, диверсантов, разоблаченных на процессе!

Искореним классовых врагов!

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА БИТА.

Всякий, кто внимательно и беспристрастно наблюдал за ходом процесса вредителей и шпионов, не мог не заметить, что поведение подсудимых—британских подданных, освобожденных 4 апреля под залог, инспирируется заинтересованными лицами и иностранными кругами, которые различным образом пытались в течение четырех дней судебного следствия опорочить как суд, так и данные предварительного расследования. Эти попытки неизменно кончались позорным провалом под тяжестью неопровержимых фактов и доказательств, имеющихся в распоряжении следственных властей и государственного обвинения.

Как известно, из британских источников по всей Англии и по всему миру усиленно распространялся тезис о методах «третьей степени»: в английской «Белой книге» несколько раз утверждается, что Монкгауз, Торнтон и др. подсудимые допрашивались по 18—19 часов подряд, и т. д. На вечернем заседании суда, 12 апреля, Торнтон был вынужден признать эти утверждения не соответствующими действительности. Однако было бы ошибкой требовать логики от разоблаченных вредителей и шпионов: 15 апреля, т.-е. три дня спустя, тот же Торнтон, получив, по-видимому, новые установки, вновь пытался воскресить им же самим отвергнутую версию. Эта попытка потерпела крах перед лицом суда и нескольких сот присутствующих.

Такая же участь постигла инспирированную выпадку Монкгауза на утреннем заседании 15 апреля. Эта выпадка была, по-видимому, частью плана, задуманного не только подсудимыми против судебного следствия. Монкгауз взял на себя миссию огласить «декларацию» во имя справедливости, декларацию, явно предназначенную для представителей иностранной прессы.

Монкгауз посмел заявить перед Верховным судом, что его будто бы допрашивали на предварительном следствии... 18 часов подряд. Монкгауз явно выполнял задания своего начальства, пытавшегося спасти Торнтона, окончательно запутавшегося в своей собственной лжи. Не случайно ведь этот последний сделал свое заявление об оказанном якобы на него давлении при допросах после выпадки Монкгауза. **Это была главная и последняя ставка не столько самих вредителей, сколько тех, кто стоит за их спиной. Это была основная и последняя надежда разоблаченных, пойманных с поличным, злейших врагов трудящихся Советского союза.**

Эта ставка бита!

Прокурор тов. Вышинский привел неопровержимое доказательство, разоблачающее заявление Монкгауза:

«Монкгауз был арестован в ночь с 11 на 12 марта и в 3 ч. 15 м. уже доставлен в изолятор. Вызван же был на допрос 12-го, в 11 ч. 15 м. утра. Следовательно, он имел полную возможность для отдыха. Допрос длился до 15 час. 15 мин., после чего был перерыв на обед, который был тут же в комнате следователя предоставлен подсудимому Монкгаузу. Обед занял продолжительное время, ибо состоял из 3-х блюд. Снова допрос был возобновлен в 17 час. 10 мин. Прекратился в 1 ч. 10 мин. В течение этого допроса был также перерыв в 40—45 мин. для ужина, там же в кабинете следователя. Эти факты отрицать Монкгауз не посмеет.

Кроме того, Монкгауз не только был допрошен в течение этих часов, но его допрос был им собственноручно переведен на английский язык. На все это понадобилось время, которое исчисляется в максимальный допрос в 12 ч. 30 мин., с указанными мною перерывами».

Монкгауз, припертый к стене, убедившись, что его выпадка отбита и попытка дискредитировать советский суд и следствие разбита вдребезги, вынужден был заявить буквально следующее, пытаясь таким образом поправить невыгодное для него впечатление:

— Когда я был во внутреннем изоляторе, то у меня не было часов, поэтому я не знал, сколько точно был на допросе.

Но и этот маневр не спас положение Монкгауза. Тов. **Вышинский задал ему вопрос:**

— Если у вас не было часов, то почему вы утверждаете, что вас допрашивали 18 часов?

Монкгауз делает еще один прыжок в сторону, лихорадочно подыскивая ответ, но под конец вынужден признать:

— Я вижу, что я ошибся и признаю свои извинения,—заявил он.

Монкгауз извиняется! Какое еще более убедительное доказательство требуется для того, чтобы уличить его твердолобую печать в лжесвидетельстве и подлоге.

Последняя ставка твердолобых бита! Бита до конца!

ПРОЦЕСС ВРЕДИТЕЛЕЙ НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ.

Вечернее заседание 14 апреля.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА I МОГЭС.

ПЛАН ДИВЕРСИЙ НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ.

Показания вредителя Сухоручкина.

Вторая половина вечернего заседания посвящена установлению фактов и обстановки вредительства в первой МОГЭС. Допрашивается начальник эксплоатационного отдела первой МОГЭС инженер-электрик **Сухоручкин**.

Сухоручкин родился в 1894 г., сын торговца, окончил миссионерскую духовную семинарию, во время войны был «земгусаром», в феврале 1925 года окончил электропромышленный факультет Института народного хозяйства и поступил на службу на 1-ю московскую станцию МОГЭС, где и служил по день ареста.

В ответ на вопросы тов. **Вышинского** Сухоручкин признает, что, занимая на 1-й МОГЭС ответственную руководящую должность, он систематически совершал ряд вредительских актов и скрывал дефекты оборудования, поставлявшегося на станцию фирмой «Метро-Виккерс». В итоге—аварии на станции. Больше того: до сих пор, по заявлению Сухоручкина, 3 генератора «Метро-Виккерс», стоящие на 1-й МОГЭС, не вполне надежны.

Отвечая на вопросы тов. **Вышинского**, Сухоручкин рассказывает суду отдельные эпизоды вредительской деятельности на 1-й МОГЭС.

Так, например, Сухоручкин рассказывает, почему значительная часть Москвы «была погашена 22 ноября 1932 года».

Сухоручкин.—22 ноября 1932 г. действительно произошла крупная авария, приведшая к погашению почти всей Москвы. Выбыла из строя машина собственного расхода в результате непринятия мер по наладке всей системы водоподготовки на станции.

В итоге 3 турбины (№№ 17, 22 и 24) выбыли из строя.

Как подчеркивает тов. **Вышинский** и подтверждает подсудимый, список вредительских актов на 1-й МОГЭС не исчерпывается несколькими случаями, выясненными на данном заседании суда.

На вопрос о мотивах вредительства Сухоручкин отвечает: «Вредительский акт я произвел по заданию инженера Торнтона после беседы, имевшей место примерно в октябре 1931 года».

Обнаруживается, что у Сухоручкина с Торнтоном многолетняя связь (с конца 1927 г.).

Сухоручкин.—Эта связь заключалась в том, что, начиная с конца 1927 г., я выполнял поручения Торнтона, в частности поручения по вредительству.

Тов. **Вышинский** далее спрашивает:—Все эти действия вы производили сознательно?

Сухоручкин.—Да.

Вышинский.—Умышленно?

Сухоручкин.—Да.

Вышинский.—Во вредительских целях? Подорвать мощь хозяйства?

Сухоручкин.—Да.

Вышинский. — Затруднить электроснабжение?

Сухоручкин.—Да, это так.

Вышинский.—Сорвать производство?

Сухоручкин.—Да.

Вышинский.—По заданию?

Сухоручкин.—По заданию представителя фирмы «Метро-Виккерс» инженера Торнтона.

Вышинский.—Вы получали деньги?

Сухоручкин.—Да, я получал.

Вышинский.—Сколько?

Сухоручкин.—Всего, насколько я помню, я получил в советской валюте около 2.500 рублей и торгсиновскими бонами 350 руб.

Допрос переходит к зам. прокурора т. **Рогинскому**. Из допроса выясняется, что **Сухоручкин** под руководством Торнтона и совместно с ним намечал план диверсии на случай войны.

Сухоручкин. — Мы намечали вывод распределительного устройства в 6.600 вольт или в 2.200 вольт.

Оказывается, что вывод из строя распределительного устройства в 6.600 вольт влечет за собой прекращение работы таких московских предприятий, как «Серп и молот», завод «Спартак», ЦАГИ, лишение света Кремля, Дома правительства, Кропоткинских и Дзержинских казарм, лишение тока всей радиопередачи.

Рогинский. — Скажите, пожалуйста, этот план был намечен вами лично?

Сухоручкин.—Он был мной намечен совместно с Торнтоном.

Выясняется, что сговор свой с Торнтоном **Сухоручкин** проводил в частности при содействии технического директора 1-й МОГЭС Рязанова, впоследствии разоблаченного вредителя, осужденного в связи с процессом «Промпартии». Рязанов разрешил Торнтону (хотя в этом не было никакой служебной необходимости) посетить помещение распределительного устройства станции, где и состоялась одна из решающих бесед Торнтона с Сухоручкиным о диверсии на случай войны.

Сухоручкин.—Конкретные и практические результаты этого посещения заключались в том, что Торнтон хорошо ознакомился с этим распределительным устройством, после чего он высказал свои соображения, и я с ним согласился, о возможности легкой диверсии именно с этим распределительным устройством.

Рогинский.—Что значит «легкая диверсия»?

Сухоручкин.—Я говорю о легкой осуществимости диверсии.

Рогинский.—Но тяжелой по последствиям?

Сухоручкин.—Да, тяжелой по последствиям.

Из показаний Сухоручкина устанавливаются, таким образом, 3 линии его вредительской работы: 1) непосредственные вредительские акты, приведшие к авариям и порче оборудования, 2) выработка планов диверсионных актов на случай военных осложнений и 3) умышленное сокрытие дефектов оборудования 1-й МОГЭС, поставляемого фирмой «Метро-Виккерс».

На вопрос тов. Рогинского обвиняемому **Торнтону** последний подтверждает, что он действительно вместе с Сухоручкиным бывал в залах распределительного устройства, но денег Сухоручкину не давал и бесед о диверсионных актах не вел.

После нескольких вопросов защиты и прокуратуры Сухоручкину и Торнтону тов. **Вышинский** обращается к Сухоручкину с вопросом:

— Вы, Сухоручкин, в чьих интересах действовали в своей вредительской работе? Вы, советский гражданин, состоящий на государственной службе, в чьих интересах действовали?

Сухоручкин. — Я действовал против интересов советской власти.

Вышинский. — И власти всего трудящегося народа?

Сухоручкин. — Трудящегося народа в целом.

Вышинский. — И советской власти?

Сухоручкин. — Советского союза.

Вышинский. — И за чьи интересы вы ратовали? В чьих интересах вы действовали таким образом?

Сухоручкин. — Я действовал в интересах врагов Советского союза.

Вышинский. — Вы понимали, какой ответственности за это подвергались?

Сухоручкин. — Да, я знаю.

Вышинский.—Следовательно, вы сознательно шли на такие действия, ответственность за которые вам хорошо была известна?

Сухоручкин. — Да.

На этом заканчивается вечернее заседание 14 апреля.

Утреннее заседание 15 апреля.

В начале утреннего заседания подсудимый **Монкгауз** просит разрешения сказать по поводу показаний Сухоручкина. Получив разрешение, Монкгауз говорит, что после заслушания показаний Сухоручкина и других советских граждан вчера и позавчера он хочет сделать заявление. Монкгауз заявляет, что все это дело является инсценировкой против фирмы «Метро-Виккерс» при помощи терроризированных советских обвиняемых. **Председатель** суда указывает Монкгаузу, что он не адвокат, что у каждого обвиняемого есть свой защитник и что каждый обвиняемый скажет сам за себя. В ответ на попытку Монкгауза продолжать свое заявление председатель указывает ему, что он не может делать заявления от имени всех подсудимых. Председатель раз'ясняет Монкгаузу, что он сможет сделать заявление во время его допроса, и что допрос Монкгауза будет сегодня вечером или завтра утром.

КРАШЕНИННИКОВ—ОРГАНИЗАТОР АВАРИЙ.

После этого суд переходит к допросу подсудимого **Крашенинникова**, бывшего начальника ремонтно-монтажного отдела 1-й МОГЭС. Отвечая на вопросы тов. Вышинского, **Крашенинников** сообщает, что до начала 1931 года он работал под руководством Рязанова, арестованного затем по делу «Промпартии». Крашенинников заявляет, что его вредительская деятельность началась еще до ареста Рязанова в 1931 году. Его вредительская деятельность прежде всего выражалась в том, что он скрывал дефекты в монтаже и оборудовании, а это, как указывает Крашенинников, привело к ряду аварий. Крашенинников делал это по личному поручению англичанина Джоллея.

Далее Крашенинников рассказывает о своих связях с обвиняемым Олейником. На вопрос тов. Вышинского о том, с какой стороны подсудимый знал Олейника, Крашенинников отвечает: «Это агент Торнтона».

Вышинский.—По каким действиям вы знали Олейника?

Крашенинников.—Он является человеком, который скрывал дефекты оборудования фирмы «Метро-Виккерс» и собирал экономические сведения.

Крашенинников знал его, как активного контрреволюционера-вредителя. Он рассказывает о том, что Олейник в 1930 году привез ему пакет от Торнтона, в котором было 500 руб. По словам Крашенинникова, эти деньги были ему даны за сокрытие дефектов оборудования фирмы.

Спрошенный Вышинским подсудимый **Олейник** подтверждает показания Крашенинникова о передаче ему пакета. На вопрос тов. Вышинского, за что эти деньги были даны Крашенинникову, Олейник отвечает: «Он мне не сказал, но это разумелось: за то, что Крашенинников поддерживает интересы фирмы».

Вышинский.—В виде взятки?

Олейник. — Иначе это нельзя понимать.

Вышинский.—Это так. Теперь второе: что значит «поддерживать интересы фирмы»?

Олейник.—Это значит скрывание дефектов оборудования и монтажа.

Вышинский.—Потом?

Олейник.—Сведения доставлять, если нужно.

Вышинский.—Соответствующего порядка?

Олейник.—Да.

Вышинский.—А почему вы думали, что это делается в интересах фирмы?

Олейник.—Я не могу сказать определенно, но я понимал так. Я имел дело с Торнтоном.

Вышинский.—Вы понимали, что Торнтон действует не в личных интересах?

Олейник.—Да.

Вышинский. — А может быть, действует в интересах еще какого-нибудь учреждения?

Олейник. — Да.

Вышинский. — Следовательно, можно сказать, что Торнтон действовал в двух существах: и как инженер фирмы и еще как некоторая индивидуальная особа?

Олейник. — Это я установил впоследствии.

СВЯЗЬ С ТОРНТОНОМ ЧЕРЕЗ ОЛЕЙНИКА.

Далее подсудимый **Крашенинников** говорит, что не был удивлен получением этой взятки, так как Джоллей обещал «не остаться в долгу». Роль Олейника, по словам Крашенинникова, сводилась к поддержанию связи между Крашенинниковым и Торнтоном. Отвечая на поставленные в упор вопросы тов. Вышинского, подсудимый признает, что эта его деятельность была нелегальной и шла против его служебных обязанностей и оплачивалась.

Отвечая на вопрос защитника **Шварца**, Крашенинников указывает, что в конце 1932 года у него произошел перелом, и он понял всю преступность своей вредительской работы. Защитник **Коммодов** спрашивает, что сказал Олейник Крашенинникову, когда передавал пакет от Торнтона.

Крашенинников. — Сказал, что пакет от Торнтона и что он ждет продолжения вашей деятельности.

Защитник **Либсон** задает Крашенинникову ряд вопросов о том, как оплачивалась его вредительская деятельность. **Крашенинников** говорит, что он получил только 500 руб. Но Джоллей обещал ему прислать вещи из Англии, устроить хорошую практику на заводах «Метро-Виккерс» и вообще устроить его в Англии.

Либсон. — Стало быть, перед вами открывались более широкие перспективы и возможности, а не только эти 500 рублей, которые вы получили?

Крашенинников. — Да.

На вопрос защитника **Шварца** о причинах перелома в настроениях Крашенинникова к концу 1932 года, Крашенинников указывает, что это произошло после того, как он получил путевку в дом отдыха после болезни, что он расценил как заботливость о нем со стороны советской власти. В связи с этим тов. **Вышинский** спрашивает: «Из вопроса защитника Шварца я могу сделать такой вывод: платили — вредили, а дали путевку — перестали вредить?»

Крашенинников. — Это немножко не так.

Вышинский.—А как, независимо от того, много ли платили, мало ли платили, вы вредили?

Крашенинников. — Да.

Вышинский. — Но по каким мотивам?

Крашенинников. — Я уже говорил здесь. По мотивам прежде всего материального порядка.

Вышинский. — Значит, «платили — вредили»?

Крашенинников. — Да.

Отвечая на вопросы т. **Рогинского**, подсудимый **Олейник** показывает, что в 1929 году Монкгауз ему указал на Крашенинникова как на «хорошего парня». Олейник понял это в том смысле, что Крашенинников является своим человеком у Монкгауза.

Тов. **Рогинский** спрашивает Олейника относительно основных дефектов оборудования фирмы «Метро-Виккерс», которые скрывал подсудимый Крашенинников. **Олейник** указывает на отсутствие предохранительных клапанов в трубопроводах конденсаторов, которые необходимо было установить в связи с под'емом уровня на Москва-реке весной. Олейник указал на это Крашенинникову, который ему ответил, что это не предусмотрено и что «лучше об этом помалкивать». **Крашенинников** подтверждает этот факт.

Затем **Олейник** показывает, что перед испытанием турбины № 27 он установил наличие в ней больших зазоров, которые вызывают значительный пропуск пара. Одновременно он осмотрел и турбину № 26, которая находилась в лучшем состоянии. Надо было испытать обе турбины. Олейник порекомендовал испытать лишь турбину № 26 и по результатам испытания судить о состоянии обеих турбин. Так и было сделано. **Олейник** говорит, что Крашенинников знал об этом, но скрыл дефекты турбины № 27. **Крашенинников** подтверждает и это показание Олейника. Далее **Олейник** указывает на обнаруженный им дефект в виде наличия трения в баббите подшипника № 1 турбины № 28. Такой дефект может привести к расплавлению металла в подшипнике. Этот вопрос, по словам Олейника, был поднят эксплоатационным отделом. Приехавший на станцию Торнтон уверял, что никакой опасности нет. Олейник это подтвердил. Крашенинников знал об этом дефекте, но умолчал о нем. **Крашенинников** подтверждает и это показание Олейника.

После этого тов. **Вышинский** задает Крашенинникову вопрос, понимает ли он разницу между ответственностью за эти вредительские акты, которая лежит на любом иностранце, и между его ответственностью как советского, государственного служащего.

Крашенинников.—Да, понимал. Такую деятельность, как моя, нужно рассматривать как...

Вышинский.—Как измену?

Крашенинников.—Как измену.

Вышинский.—За которую по нашим законам полагается... Вам известно, что по нашим законам полагается за государственную измену?

Крашенинников.—Да, известно.

ВИНОВАТ... КЛАПАН.

Торнтон просит разрешения сделать заявление, присутствовала ли при испытании турбин испытательная комиссия, которая была создана МОГЭС, и в которую входило «начальство» МОГЭС. **Крашенинников** отвечает утвердительно. Отвечая на вопросы Торнтона, Крашенинников указывает, что при испытаниях были обнаружены дефекты в регулировочных клапанах и в лопатках турбины. На вопрос Торнтона о том, знало ли об этом «начальство» МОГЭС, Крашенинников отвечает утвердительно, но при этом добавляет, что причин дефектов руководители МОГЭС не знали. Крашенинников показывает, что он знал, что клапаны не были должным образом обработаны на заводе фирмы «Метро-Виккерс». Об этом ему говорили Джоллей и Олейник. Однако Крашенинников скрыл это от руководителей МОГЭС.

Торнтон.—А когда лопатки летели, начальство МОГЭС знало?

Крашенинников.—Знало.

Вышинский.—Почему летели?

Торнтон.—По моему убеждению, по конструктивным дефектам.

Вышинский.—Я тоже так думал. **(Смех в зале).**

Затем **Торнтон** спрашивает, знало ли «начальство» МОГЭС относительно дефектов подшипника. Крашенинников подтверждает, что знало, но снова настаивает на том, что причины этого обстоятельства скрыты были от руководителей МОГЭС.

Вышинский.—Подсудимый Крашенинников, вас спрашивает подсудимый Торнтон: знало ли начальство о разных дефектах и проч. Вы отвечали: знало, но не знало причин. А я хочу спросить несколько в другой плоскости. Вот Рязанов был начальством?

Крашенинников.—Был.

Вышинский.—Был вредителем?

Крашенинников.—Был. **(Смех в зале).**

Подсудимый **Монкгауз** задает Крашенинникову вопрос: почему он, зная о дефектах оборудования, не сообщал это на заседаниях комиссии, в которую входили представители нашей фирмы. **Крашенинников** отвечает, что представители фирмы «Метро-Виккерс» Олейник и Джоллей поручили ему не говорить об этом. Тов. **Вышинский** задает вопрос Монкгаузу: были ли действительно дефекты в оборудовании фирмы? **Монкгауз** отвечает утвердительно, но указывает, что до аварий он о них якобы не знал.

Вышинский.—А кто работал вашим представителем там?

Монкгауз.—Олейник и Джоллей.

Крашенинников.—Значит, вы должны были узнавать о всяких дефектах от Джоллея и Олейника?

Монкгауз.—Да.

Вышинский.—Следовательно, то, что вам не сказал Крашенинников, это не так удивительно? Он не обязан был говорить?

Монкгауз.—Он обязан был говорить, когда мы созывали комиссию.

Вышинский.—Это если он честно относится к своим обязанностям. А если преступно?

Монкгауз.—Я не верю, что он нечестно относился.

Вышинский.—А Крашенинников вел свою преступную деятельность? Была преступная деятельность?

Крашенинников.—Была.

Тов. **Вышинский** задает далее вопрос подсудимому Олейнику, сказал ли ему Монкгауз, что на МОГЭС «есть группа инженеров», к которым он, Олейник, может обращаться. **Олейник** показывает, что Монкгауз назвал Крашенинникова и Сухоручкина. Эта группа должна, по об'яснению Олейника, поддерживать интересы фирмы «Метро-Виккерс» против интересов предприятия, т.-е. МОГЭС.

СЕТЬ ВРЕДИТЕЛЬСКИХ ГРУПП.

ПЯТЬ ВСТРЕЧ ЗОРИНА.

Далее суд переходит к допросу подсудимого **Зорина**.

Старший инженер тепловой группы рационализации Мосэнерго Зорин входил в состав группы с ноября 1932 года. В эту же группу входили Крашенинников и Сухоручкин, являвшиеся одновременно членами комиссии по испытанию турбин №№ 26 и 27. Членом испытательной комиссии, по показаниям Крашенинникова, являлся также Ветчинкин (председатель комиссии), арестованный в связи с делом «Промпартии». Заседания комиссии посещал Рязанов, вредитель, арестованный по процессу «Промпартии».

С Торнтоном Зорин знакомится в конце 1931 года в помещении Мосэнерго. До ноября 1932 года между ними состоялось 5 встреч. Беседы во время этих встреч приобретали все более антисоветский характер. По признанию самого Зорина, он, Зорин, являлся человеком «самых резких контрреволюционных убеждений», изливая свою душу в беседах с Торнтоном. Между Торнтоном и Зориным происходили беседы на политические темы: об СССР, о положении советских инженеров и т. д. Эти разговоры начались уже со второй встречи, состоявшейся в феврале 1932 года в помещении Электроимпорта, где Зорин должен был выступать в качестве защитника интересов МОГЭС. Во время беседы Торнтон задал несколько вопросов о работе турбин на станциях Мосэнерго и работе турбин конкурентных фирм. Зорин дает эти и ряд других сведений Торнтону «весьма охотно».

Во время третьей встречи, в августе 1932 года в помещении Мосэнерго, отношения между Зориным и Торнтоном еще более определились.

Зорин показывает: «Прежде всего он (т.-е. Торнтон) интересовался дальнейшим планом развития станции МОГЭС с точки зрения мощности и типа будущих турбин». Затем беседы опять-таки принимали резко выраженный антисоветский характер. «Разговор шел о том, что Союз испытывает затруднения на отдельных участках хозяйственного фронта». Однако, по выражению Зорина, «последней, решительной встречей» являлась пятая по счету, имевшая место также в 1932 году. Об этой встрече Зорин рассказывает следующее: «Так как Торнтон из предыдущей встречи ясно увидел, что меня можно весьма легко привлечь к своей работе, то он сразу же и начал с того, что предполагает использовать меня в интересах фирмы и тех организаций, которые созданы на отдельных станциях как Мосэнерго, так и вообще по Союзу. Затем он сказал в этой беседе: «Я замечаю, что вы недостатки, которые имеются в оборудовании «Метро-Виккерс», не выявляете, как следовало бы. Значит, вы, в известной степени, наш союзник». Затем он говорил, что аварии, которые происходили с турбинами «Метро-Виккерс», вызваны не случайными или эксплоатационными причинами, а являются результатом недостатков конструкции турбин при изготовлении их на заводах фирмы «Метро-Виккерс».

Во время этой же встречи Торнтон делает Зорину ряд конкретных предложений. Он поручает ему продолжать скрывать дефекты оборудования, поставляемого фирмой, прикрывать вредительские действия групп, организованных им, Торнтоном, на электростанциях, входящих в состав Мосэнерго, содействовать деятельности этих групп и быть связью между Торнтоном и организованными им группами.

Зорин точно следует директивам, полученным от Торнтона. Лишь в силу совершенно случайного обстоятельства (командировка и отпуск) ему не удается осуществить последнюю часть директивы Торнтона: служить связью между ним и шпионскими, вредительскими группами на электростанциях. В остальном Зорин неукоснительно выполняет указания Торнтона. При анализе аварии с турбиной № 2 в ноябре 1931 года на Ореховской станции он скрывает подлинную причину аварии. Зорин сообщает также, что ему известно, со слов Торнтона, о том, что последним «была организована авария на первой станции путем забития лопаток известью и котельной накипью, которая произошла в ноябре месяце. Эта авария была скрыта». Речь шла о турбине № 17. Аналогичный диверсионный акт, — показывает далее Зорин, — был произведен и в отношении турбины № 1 в Орехове. И на этот раз по заданию того же Торнтона.

План Торнтона в организованных им групп в области турбинного хозяйства был довольно широк.

Зорин. — Он (т.-е. Торнтон) говорил (речь шла о турбинном хозяйстве), что диверсионные акты должны происходить таким образом, чтобы удары наносить на роторы турбин, так как такие аварии являются наиболее тяжелыми для турбин и наиболее трудно исправимыми.

На вопрос о мотивах, побудивших его пойти на вредительскую работу, Зорин показывает, что деньги сыграли здесь роль лишь отчасти, так как «акты и диверсии, совершенные им, соответствовали его убеждениям». За свою вредительскую работу Зорин получает от Торнтона во время последней с ним встречи в виде аванса 1.000 рублей. При этом Торнтон, по признанию Зорина, заявил ему, что если он «будет продолжать такого рода работу, то выдача денежных сумм будет происходить периодически».

Запись бесед народного комиссара по иностранным делам тов. Литвинова с британским послом сэром Эсмондом Овием.

Мы публикуем ниже полученную от НКИД запись бесед народного комиссара по иностранным делам тов. Литвинова с британским послом сэром Эсмондом Овием за 16, 19 и 28 марта этого года. То, что опубликовано об этих беседах в «Белых книгах», явно не полно, а потому не соответствует истине. Нам неизвестно, как г. Овий информировал свое правительство о содержании этих бесед, непосредственно касающихся дела арестованных служащих «Метрополитен-Виккерс». Мы публикуем точную запись бесед в целях установления истины.

При ознакомлении с публикуемыми записями обращают на себя внимание три обстоятельства, которые бросают яркий свет на поведение британской стороны.

1. Фирма «Метрополитен-Виккерс» лишь в первых числах апреля выразила свое согласие на освобождение арестованных под залог. Между тем еще 19 марта тов. Литвинов указал британскому послу в беседе, состоявшейся в этот день, что готов похлопотать перед прокурором о том, «не согласится ли он изменить меру пресечения в отношении тех или иных из арестованных и, скажем, выпустить их под залог, который, я не сомневаюсь, фирма охотно представит». Британский посол, однако, уклонился от ясного положительного ответа, который был дан только **ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ**. *Этот факт неопровержимо свидетельствует о том, что британская сторона меньше всего заботилась о судьбе арестованных. Преследовались совершенно другие цели, ничего общего не имеющие с «защитой британских граждан».*

2. В этой связи обращает на себя внимание по меньшей мере нелойяльное поведение британского посла в связи с арестом вредителей. Британский посол, как это видно из публикуемой записи бесед, потребовал не только немедленного освобождения арестованных, их полной реабилитации (беседа от 16 марта), но также заверения советского правительства, что «подобные инциденты не будут повторяться» (беседа от 19 марта). Иными словами, британский посол пытался добиться создания в СССР режима экстерриториальности для иностранных подданных, который существует, например, в Китае. При этом сэр Овий продолжал повторять свои неуместные и непозволительные угрозы.

3. Формально английская сторона обосновывала свое недопустимое поведение тем, что арестованные ни в чем не повинны. В Лондоне,—уверял посол в беседе от 16 марта,—«не найдется ни одного человека, который поверил бы, что арестованные, хорошо в Англии известные, занимались вредительством или совершили другие преступления». Как известно, это есть официальная точка зрения руководящих кругов. Сам посол также счел возможным заявить, что находит обвинения, пред'явленные арестованным, «смехотворными».

Как выглядят люди, заявлявшие подобные вещи, сейчас, после окончания судебного следствия, полностью подтвердившего данные предварительного следствия? Ответ ясен сам собой!

I. 16 марта 1933 г.

Заявив, что он пришел по поручению своего правительства, сэр Эсмонд Овий пространно говорил о том впечатлении, которое аресты произвели в Лондоне, и о тех тяжелых последствиях, которые это может иметь для торговых переговоров и для наших отношений вообще. Он, сильно волнуясь, прочитал мне заявление г. Болдуина в парламенте, особенно подчеркивая то место, где г. Болдуин выражал свое полное убеждение в невиновности арестованных. В Лондоне не найдется ни одного человека, который поверил бы, что арестованные, хорошо в Англии известные, занимались вредительством или совершили другие преступления. Непонятны также и мотивы, которые заставляли бы их так поступать. В Англии тем более сильно волнение, что еще на-днях было опубликовано сообщение ОГПУ о расстреле без суда 35-ти человек и что арестованные англичане находятся в руках той же самой власти и могут ожидать такой же участи. Монкгауз, естественно, рассказывал послу о допросах, и посол находил их совершенно смехотворными. В Англии не могут понимать, каким образом человек может быть виноват за порчу машины. Непонятен также в Англии термин «экономический шпионаж». Там полагают, что человек, живущий в какой-либо стране, имеет право интересоваться всем, что там происходит, и собирать необходимые для этого сведения. При этом сэр Эсмонд долго говорил на тему о Habeas corpus и о либерализме английских законов. Мы, по его мнению, должны учитывать заявление г. Болдуина, а также тяжелые последствия для наших взаимоотношений и немедленно освободить арестованных, об'явив, что вина их не подтвердилась.

Выслушав посла, я ему сказал следующее:

Я совершенно не понимаю связи с данным делом расстрела 35-ти, который ни в какой мере Англии не касается. У нас имеется законная власть, заботящаяся о безопасности страны и действующая на основании законов и распоряжений правительства. Ее обязанность вскрывать нарушения законов, все случаи нанесения ущерба и вреда государству и наказывать виновных, независимо от того, являются ли они советскими или иностранными гражданами. Если она имеет доказательства или сведения о виновности какого-либо иностранца, то она не может игнорировать их и не принимать никаких мер только потому, что это произведет тяжелое впечатление за границей. Безопасность государства выше соображений о подобных впечатлениях. Я не заподозриваю искренность убеждения г. Болдуина в невиновности арестованных, но наши следственные власти не могут на этом основании освободить их без всякого разбирательства дела и вопреки имеющимся сведениям и доказательствам или даже собственным признаниям арестованных. Все то, что говорил сэр Эсмонд, сводится к предложению об изъятии британских граждан из советской юрисдикции и о предоставлении им иммунитета от ареста и суда. Сэр Эсмонд должен понять, что мы такого предложения не только не можем принять, но даже и рассматривать. Нельзя также допустить и положения, когда арестованный и находящийся под следствием был бы выпущен только на основании заявления его правительства об его невиновности. Конечно, арест иностранцев иногда временно ухудшает отношения между государствами, но такие аресты имеют место не только у нас, но и во всех странах. Недавно был арестован и осужден в Италии директор политехнической школы во Франции, весьма почтенный профессор. Равным образом, в Японии недавно было выдвинуто обвинение в шпионаже против представителей одного из крупнейших американских банков. Это может создавать временно трения между правительствами, но ни одно суверенное государство не может отказаться от своего права преследовать, задерживать и судить иностранцев, нарушающих его законы и интересы. Возобновляя отношения с нами, Англия знала, что у нас есть законы, отличные от английских, а также формы следственных действий иные, чем в Англии. К нам приезжали, у нас жили, работали и обратно уезжали сотни англичан, не подвергавшиеся ни разу задержанию. У нас теперь живут тысячи немцев и американцев, и власти их не тревожат. Наконец, и представителей «Метро-Виккерс» в течение 10-ти лет не тревожили. Все это показывает, что иностранцам у нас обеспечена такая же свобода, как и в других странах, и что аресты являются эпизодическими случаями. Международные отношения определяются и должны определяться более высокими и глубокими соображениями, чем подобные эпизоды. Если г. посол так часто ссылается на общественное мнение Англии, то он должен подумать, что сказало бы наше общественное мнение, наши рабочие и крестьяне, если бы они узнали, что заподозренный в порче машин освобожден без всякого следствия только потому, что он иностранец и что его правительство не одобряет задержания его. Мы должны считаться больше с нашим общественным мнением, чем с британским. Я не могу высказывать никакого мнения о виновности или невиновности арестованных, ибо не знаком детально с материалом. Это может быть установлено только следствием. Следствие же может установить, какими побуждениями и интересами руководствовались виновные. Нельзя освободить человека только потому, что нам неизвестны и непонятны мотивы преступления. Мотивы вскрываются и принимаются в соображение только судом. Н. К. И. Д. пошел максимально навстречу пожеланиям посольства, выхлопотав свидание с арестованными, притом с разрешением разговора на английском языке, и ускорив допрос арестованных. При нормальных обстоятельствах допрос Монкгауза и Нордволла продолжался бы, может быть, несколько недель, но мы добились того, что это было сделано в течение двух дней, и следователи не щадили своих сил, допрашивая их подолгу в течение двух дней. Посольство должно быть нам благодарно за это. Мы продолжаем нажимать на следственные власти, чтобы они ускорили допрос остальных. Больше сделать мы не можем и не вправе.

Сэр Эсмонд, все еще волнуясь, заявил, что г. Болдуин признал в парламенте информацию, данную нами до сих пор, неудовлетворительной и недостаточной, и он имеет поручение поставить мне дополнительные вопросы, а именно:

1) Какие сведения мы имеем о дальнейшем ходе следствия? Я ответил, что никаких сведений не имею, кроме того, что следствие продолжается нормально и, как я раньше сказал, ускоренным темпом.

2) Был ли Н. К. И. Д. извещен об аресте англичан? Я ответил, что это совершенно не касается английского посольства и это дело наше внутреннее, так что я не считаю себя обязанным отвечать на подобный вопрос.

3) По какой статье привлечены арестованные? Я обещал выяснить и сообщить.

4) Может ли какой-нибудь член посольства иметь сегодня свидание с арестованными? Я тоже обещал выяснить и сообщить.

5) Кто решает вопрос о том, поставить ли дело в суде или перед Коллегией ОГПУ и могут ли обвиняемые иметь английского защитника. Я ответил, что незнаком детально с процессуальными вопросами, но, что насколько мне известно, вопрос решается обыкновенно Верховным Судом. Имеется специальный представитель прокурорской власти, который наблюдает за следственными действиями ОГПУ и, в случае надобности, докладывает Верховному Суду. Ни я, поэтому, ни кто-либо другой, не может давать формальных обещаний, что дело будет поставлено в суде, но я могу высказать свое предположение, что вряд ли данное дело может разрешаться иначе, как в суде, при открытых дверях, ибо мы сами заинтересованы в публичности дела.

Несколько успокоенный, сэр Эсмонд спросил, что я могу ему еще сказать или посоветовать по этому делу. Я сказал, что официально я ему ответил на все его вопросы, неофициально я могу, если он хочет, высказать свое мнение и совет. Я думаю, что как посол, так и его правительство проявляют слишком большую нервозность в этом деле и поднимают слишком много шума. Это не в интересах дела. С одной стороны, и г. Болдуин и посол высказывают убеждение в абсолютной невиновности арестованных, а в то же время рассуждают так, как будто виновность всех арестованных будет обязательно доказана и что их неизбежно всех ждет расстрел. Тут есть некоторое противоречие. Я думаю, что нет оснований так безапелляционно, без знания дела утверждать о невиновности или высказывать такие крайние опасения за судьбу арестованных. Дело будет изучено и рассмотрено самым об'ективным образом. Доказательством этому является освобождение двух арестованных. Строгий язык и строгие выражения, к которым сэру Эсмонду как будто предписано прибегать, а тем более угрозы, не послужат на пользу ни арестованным, ни, конечно, советско-британским отношениям. Таким путем могут быть достигнуты совершенно обратные результаты. Пора сэру Эсмонду понять, что наше правительство не поддается запугиванию и угрозам. Чем спокойнее английское правительство отнесется к делу, тем лучше для арестованных и для наших отношений. Наши законы остаются и меняться не могут в угоду другому правительству. Мы применяем их в меру необходимости и в интересах нашего государства. Ни в какие контракты об ослаблении наших законов мы с английским правительством входить не можем. Не уполномочен я также делать формальные заявления, которые входят в компетенцию следственных властей. Н. К. И. Д. будет, попрежнему, делать все необходимое в строгом согласии с нашими законами, с достоинством и независимостью нашего государства и с его интересами.

Под конец сэр Эсмонд сказал, что он имеет еще одно поручение ко мне и прочитал мне телеграмму, очевидно, из Женевы от сэра Джона Саймона, касательно разоружения. Есть опасение краха конференции, что может иметь самые печальные последствия. Необходимо поэтому приложить все усилия для предотвращения такого краха. Это, однако, случится, если какая-либо страна не возьмет на себя неблагодарную роль и не предложит какое-либо эффективное и приемлемое для всех разрешение. Эту задачу готово взять на себя английское правительство, и премьер сегодня должен выступить в Женеве с предложением нового проекта конвенции. Это предложение, конечно, будет встречено критикой со всех сторон, и английское правительство поэтому обращается с просьбой ко всем тем, кто желает способствовать делу разоружения, поддержать и одобрить усилия английского правительства.

Я ответил, что мы дали достаточно доказательств нашего огромного интереса в разоружении. Мы делали собственные предложения и на'являли готовность принимать другие предложения. Никаких особых интересов у нас в Женеве нет. Мы только ставим одно требование, чтобы разоружение было действительным и чтобы оно не меняло соотношения сил к нашей невыгоде. Чем большее сокращение Англия предложит, тем большей будет наша поддержка. Наша критика может быть основана только на недостаточности предложения.

*

II. 19 марта 1933 г.

Сэр Эсмонд начал с того, что, исходя из предположения о немедленном освобождении арестованных, он готов сотрудничать со мною в выработке любой формулы для об'яснения этого освобождения. Он обращается ко мне с последним призывом перед решением английского кабинета и просит меня найти путь к освобождению арестованных в любой форме, после чего инцидент будет исчерпан и английское правительство сделает заявление для удовлетворения общественного мнения Англии. Мы, со своей стороны, должны, однако, заверить английское правительство, что подобные инциденты не будут повторяться. Он упомянул при этом, что сообщение ТАСС является точным и справедливым изложением моих заявлений ему.

Я заметил сэру Эсмонду, что он исходит из совершенно неверного предположения о нашем решении освободить арестованных и прекратить все дело и о том, что мы будто бы желаем лишь спасти лицо, в чем он любезно готов нам помочь. Я должен эту его иллюзию совершенно рассеять. Вопрос о прекращении дела и об освобождении арестованных сейчас не стоит. Только сегодня дело передано в руки прокуратуры, от которой зависит дальнейший ход дела.

На вопрос сэра Эсмонда я ему раз'яснил, что, взяв дело в свои руки, прокуратура проверит все данные следствия, передопросит обвиняемых и, если есть, свидетелей и затем направит дело в суд. Сэр Эсмонд спросил, может ли прокуратура постановить сегодня же о прекращении дела. Я ответил, что теоретически это право прокуратура имеет, но что, насколько мне известно из беседы с прокурором и с лицами, производившими дознание, в отношении данного дела этого не случится. Я это подчеркивал сэру Эсмонду потому, что он старательно записывал сказанное мною о праве прокуратуры на освобождение для передачи в Лондон. Я должен был предупредить его, что если он в такой форме сообщит правительству, то может создаться новая иллюзия о возможном прекращении дела в результате дальнейшего давления.

Далее, я сказал, что Н. К. И. Д. следит за этим делом под углом зрения наших отношений с Англией, но что мы не можем, однако, упускать из виду общегосударственные интересы. Мы старалися, елико возможно, смягчить положение, выхлопотали посольству первое свидание, ускорение следствия и т. п. К сожалению, начавшийся вслед за тем шум в английской прессе, неосторожные заявления г. Болдуина в палате и неумеренные заявления Ванситара Майскому и Овия мне со скрытыми угрозами ослабили и нейтрализовали усилия Н. К. И. Д. Я боюсь, что если поведение английской прессы и самого правительства не изменится, то я вряд ли в чем-либо смогу быть г. Овию полезным в данном деле, и мое сотрудничество, о котором г. посол меня просит, сведется к нулю. Как только дело перешло в руки прокуратуры, я снесся с ней и добился для посольства вторичного свидания с арестованными, которое может состояться сегодня же начиная с 8 час. вечера, в тех же условиях, что и первое свидание. Как только прокуратура ознакомится с делом и допросит обвиняемых, я готов буду запросить прокурора, не согласится ли он изменить меру пресечения в отношении тех или иных из арестованных и, скажем, выпустить их под залог, который, я не сомневаюсь, фирма охотно представит. Я готов употребить все свое влияние, чтобы добиться на это согласия прокуратуры, но я могу рассчитывать на успех лишь при условии, что английское правительство своими дальнейшими публичными заявлениями и давлением на нас не затруднит мою акцию.

Сэр Эсмонд благодарил за устройство вторичного свидания и вновь стал говорить о прекращении следствия, как об единственно удовлетворительном разрешении вопроса. Контролировать английскую прессу его правительство не может, ибо оно само находится под давлением общественного мнения. Он не может также сообщать своему правительству, будто оно своими действиями ухудшило положение арестованных. Согласие на поручительство означало бы согласие его правительства на судебный процесс, чего оно дать не может.

Я сказал сэру Эсмонду, что, поскольку он ко мне является по поручению своего правительства, я имею право рассчитывать, что он передаст своему правительству все то, что я ему говорил. О прекращении дела не может быть и речи. На ведение процесса согласия английского правительства нам не требуется. Мое дело сообщить сэру Эсмонду, что именно я мог бы, при известных условиях, сделать для облегчения положения арестованных. Если его это не интересует, то я, конечно, ни с какими просьбами к прокуратуре обращаться не буду и предоставлю дело естественному ходу.

Сэр Эсмонд спохватился и сказал, что он будет рад любому шагу, приближающему нас к удовлетворительному разрешению дела. Я заметил, что это не является ответом на мой вопрос о поручительстве и поэтому я должен поставить вопрос, считает ли он освобождение на поруки таким шагом «приближающим нас к удовлетворительному разрешению дела». Сэр Эсмонд уклонился от ответа на вопрос. На его вопрос, о какой сумме залога идет речь, я раз'яснил ему, что никакого постановления о поручительстве нет, что я должен еще об этом хлопотать и что, в случае принципиального согласия прокуратуры, я смогу выяснить сумму, которая не будет, вероятно, одинаковой в отношении всех арестованных.

Сэр Эсмонд на прощание сказал, что он выполнил свой долг, но, к сожалению, не уверен, что мы сознаем серьезность положения. Я сказал, что у нас есть достаточно воображения, чтобы предвидеть все последствия и учесть их.

*

III. 28 марта 1933 г.

Сэр Эсмонд начал с вопроса, могу ли я ему сообщить что-либо новое. На мой недоуменный вопрос, в какой области он ожидает от меня новостей, сэр Эсмонд упомянул дело «Метро-Виккерса». Я сказал, что ничего нового не могу ему сообщить. Мне известно от прокуратуры, что скоро будет назначен суд, но это для сэра Эсмонда не ново. Сэр Эсмонд пытался сформулировать мой ответ таким образом, что я нашел достаточно доказательств для передачи дела в суд. Я его поправил, что не я, а прокуратура нашла достаточно доказательств. Сэр Эсмонд тогда заявил, что он уполномочен сообщить мне содержание законопроекта, который его правительство намерено внести в парламент. Я выразил удивление, что английское правительство любезно считает нужным знакомить меня со своими законопроектами до внесения их в парламент. Сэр Эсмонд, вынув бумажку, сказал, что он имеет инструкцию от своего правительства «сделать мне следующее сообщение, если он не получит от меня удовлетворительного ответа о приостановке процесса», и начал было читать мне бумажку. Я остановил сэра Эсмонда, сказав, что я могу сберечь ему время и сразу могу заявить, что, по мнению прокурора, процесс будет иметь место и что этот процесс ни в коем случае не будет приостановлен, что бы мне ни заявлял английский посол; что если то, что сэр Эсмонд хочет мне прочитать, имеет целью повлиять на решение прокуратуры, то я не вижу надобности выслушивать это сообщение, ибо оно никакого влияния на решение не окажет. На вопрос сэра Эсмонда, что же он должен сообщить своему правительству, я просил его передать мною сказанное, а именно, что процесс будет иметь место, и ничто не может приостановить его.

Сэр Эсмонд пытался переиначить мои слова в том смысле, что «если прокурор найдет доказательства достаточными, то процесс неизбежен». Я его поправил, сказав, что прокурор уже нашел доказательства достаточными и уже решил поставить процесс. Сэр Эсмонд потом повторил эту попытку с тем же результатом.

Сэр Эсмонд вновь пытался пугать меня последствиями, но я его остановил, сказав: «Позвольте, сэр Эсмонд, мне сказать, что, если подобные методы дипломатии могли быть успешны, скажем, в Мексике, то они заранее обречены на полную неудачу в СССР, и чем скорее Вы это себе усвоите, тем лучше будет для всех. Мы своей независимостью не торгуем». Взволновавшись, сэр Эсмонд спросил, кем употребляются такие методы в Мексике. Я напомнил, что я сказал условно — если такие методы употреблялись в Мексике кем бы то ни было.

ПРОЦЕСС ВРЕДИТЕЛЕЙ НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ.

«ГЛАЗА И УШИ» ТОРНТОНА.

После перерыва суд переходит к допросу подсудимого — помощника главного монтажного инженера фирмы «Метро-Виккерс» англичанина **Кушни**.

Кушни показывает, что в СССР он приехал в 1925 году. 2 года он работал на станции Штеровка, где в течение почти двух лет руководил монтажем двух турбин. В 1927 году Кушни уезжает для монтажа турбин в Баку, где и работает по 1930 год. 1931 год застает Кушни уже в московской конторе фирмы в качестве помощника главного монтажного инженера, т.-е. заместителя Торнтона.

Тов. **Вышинский**, стараясь выяснить характер «деловых связей» Кушни с Торнтоном, ставит Кушни вопрос, давал ли он Торнтону информацию и если давал, то какую именно.

Вышинский. — Информацию посылали?

Кушни. — Да.

Вышинский. — Но эта информация была только в отношении ваших обязанностей по монтажу или, может быть, еще политическая информация была?

Кушни. — В письменной форме была обычно только деловая информация.

Вышинский. — А в не-письменной, то-есть в устной форме?

Кушни. — В устной форме, когда мы встречались, мы, конечно, говорили о всяких вещах.

Вышинский. — Например, о политике говорили?

Кушни. — И о политике мы, может быть, говорили.

Кушни пытается уверить суд в том, что это были, мол, «обычные разговоры», а что сам он не разбирается в том, что такое экономика и что такое политика. Однако из дальнейших ответов Кушни на вопросы тов. Вышинского выясняется, что «не разбирающийся в политике и экономике» Кушни к «общеизвестным вещам» и «обычным разговорам» относит расспросы о настроениях рабочих СССР, условиях их жизни, отношении их к советской власти, к пятилетке и проч.

Вышинский. — Как они (рабочие) относятся к советской власти, к пятилетке—эти разговоры были?

Кушни. — Да, были.

Вышинский. — Значит, вы это подтверждаете? Эти разговоры у вас были с Торнтоном на основании каких данных?

Кушни. — На основании данных, что я имею глаза и уши.

Вышинский. — Правильно. Глаза видели, уши слышали?

Кушни. — Да.

Однако в ходе допроса выясняется, что «глаза и уши» Кушни — это совсем не глаза и уши, а живые люди. Тов. **Вышинский** напоминает о слесаре Емельянове, о заведующем станцией Медведеве, об инженере-электрике Самойлове. **Кушни** сначала пытался было «забыть», от кого он получил эти данные. Ему на помощь приходит обвинение. Кушни вынужден признать, что действительно он, Кушни, посещал, правда всего «один раз», слесаря Емельянова в неслужебной обстановке, на квартире у Емельянова. Правда, позже *он должен был признать*, что это было не «один раз». «Возможно, — показывает Кушни, — что еще раз в ресторане». Такие же встречи состоялись у Кушни с Бочкаревым и Медведевым. Не было недостатка и в выпивке. Кушни выпытывал о Красной армии, о настроениях, хорошо ли кормят в Красной армии, как снабжается Красная армия, о ее боеспособности и т. п. Кушни пытается представить себя в глазах суда простачком. На вопрос о том, интересовался ли он снабжением Красной армии, тот отвечает: «Я не помню. Я понимаю, что Красная армия снабжается».

Вышинский.—Как снабжается, чем снабжается?

Кушни.—Я не узнавал этого.

КУШНИ НА ВЕТЕР ДЕНЕГ НЕ БРОСАЕТ.

Кушни—человек сугубо практический. Он рассказывает суду, что он не сторонник *«бросать деньги на воздух»*. На упорные вопросы обвинения, делал ли Кушни кому-либо «подарки» (взятки), давал ли кому-либо деньги «взаймы», на подобие Торнтона, Кушни вынужден был признать, что он «давал взаймы деньги Кислякову, возможно, что также давал Емельянову». «Возможно» также, что кое-что и не возвратил этого «займа». Все это, оказывается, было «простой любезностью» со стороны Кушни: люди, которым он занимал деньги, «всегда хорошо работали», и деньги давались, по словам Кушни, «за любезность».

Тов. **Вышинский** напоминает Кушни об аварии турбины, поставленной фирмой «Метро-Виккерс», имевшей место в 1928 году в связи с перекачкой. Кушни отрицает всякую возможность умышленного вредительства, пуская в ход использованную уже в показаниях Нордволла версию о «детских болезнях» новых механизмов, в связи с их освоением, неопытности и слабом знакомстве советского инженерного состава с новыми котлами и оборудованием.

Из допроса тов. Вышинским подсудимого Олейника выясняется, что *авария на Бакинской станции была делом* далеко не случайным.

Олейник.—В 1932 г. я узнал от инженера Торнтона, что авария на Бакинской станции была не случайная. Когда инженер Торнтон давал задание о диверсиях, то я не решался на эти диверсии итти, говорил, что диверсии со своими машинами очень опасны. Я боялся. Он (Торнтон) в виде примера, как надо умело организовывать, привел *аварию в Баку и сказал*, что вот Кушни сумел организовать так, что никакого подозрения и никакого отношения к персоналу «Метро-Виккерс» это не имело.

Кушни и Торнтон в соответствии с принятой ими на суде тактикой на вопрос тов. Вышинского об их отношении к данному показанию Олейника отвечают:

— Олейник говорит неправду.

После допроса подсудимого Кушни защитниками **Лидовым и Казначеевым** суд переходит к допросу **Олейника.**

ЧЕЛОВЕК С ЧЕКОВОЙ КНИЖКОЙ.
ДОПРОС ОЛЕЙНИКА.

Олейник—старый служащий фирмы «Метро-Виккерс». С перерывом в 6 лет (1920—26 гг.) Олейник, начиная с 1911 года, служил сначала у общества «Вестингауз», а затем у преемника этого общества—«Метро-Виккерс».

— Монкгауз нашел меня в 1925 году и снова пригласил на службу к «Метро-Виккерс»,—рассказывает Олейник суду.

За время своей работы Олейник неоднократно бывал за границей, свободно владеет английским языком. У фирмы он на хорошем счету, работал на монтаже паровых турбин. Оклад—600 руб. в месяц (из них 50 руб. торгсиновскими бонами) плюс прибавки на дороговизну.

Характерна история заграничных сбережений Олейника.

— Торнтон начал со мной разговор о том, что так как положение советской власти неустойчиво, цена денег падает, а может быть и власть падет не сегодня — завтра, то если у меня есть сбережения, лучше их положить в Английский банк. Я ему сказал, что у меня есть сбережения—2 тыс. руб. Эти сбережения я передал Монкгаузу, потому что, когда я пришел в контору, Торнтона там не было. Он (Торнтон) положил их в Английский банк, когда был в Англии, и привез мне оттуда чековую книжку, но сказал, что чековую книжку опасно иметь на дому на случай обыска. Поэтому будет лучше, если чековая книжка будет храниться у него. Так мы и сделали.

Рогинский.—Почему вас предупреждали о возможном обыске?

Олейник.—Он мне не сказал, почему, но, судя по нашей деятельности, можно было ожидать, что она откроется, и будет обыск.

Рогинский.—Судя по какой деятельности?

Олейник.—По шпионской, вредительской. Кроме того, я забыл сказать, — инженер Торнтон тогда же мне сказал, что лучше мне все жалованье здесь не получать, а устроить так, чтобы в Англии на мой текущий счет вносили приблизительно 100 рублей, или 10 фунтов ежемесячно.

Во время дальнейшего допроса Олейник подтверждает, что его вредительство складывалось из следующих элементов: 1) сокрытие дефектов оборудования «Метро-Виккерс», 2) собирание шпионских сведений, 3) организация аварий и 4) организация вредительских групп. Эту «работу» Олейник, начиная с конца 1929 года, проводил под руководством Торнтона, *а до тех пор — под руководством* Монкгауза.

Олейник, например, получил от Монкгауза распоряжение: «Не производить испытаний и не только не производить, а уговаривать заказчиков и всеми способами оттянуть испытание турбин, которые, как потом он об'яснил при следующей встрече, гарантийного расхода пара выдержать не могут».

От Торнтона (с ведома Монкгауза) Олейник получал «всякие указания», в том числе и о диверсионной, шпионской, вредительской работе.

Торнтон и Монкгауз, по усвоенной ими манере, отрицают и эти показания Олейника.

Из дальнейшего допроса **Олейника** защитой и прокуратурой выясняется, что фирма «Метро-Виккерс» купила Олейника полностью, и чековой книжкой на Лондонский банк, участием во вредительской, шпионской работе, долголетними *связями крепко держала его в руках*.

Конец утреннего заседания занят попыткой защитника Торнтона **Брауде** умалить размер и глубину шпионской деятельности Олейника и выгородить Торнтона. Эта попытка кончается неудачей.

Вышинский (Олейнику). — Давал вам Торнтон поручения собирать сведения о военной работе завода около Перми, когда вы туда направлялись?

Олейник. — Он не только давал поручения, а и сам приезжал в 1931 году.

Вышинский. — И сам приезжал в 1931 году, чтобы собрать сведения?

Олейник. — Он ехал в Челябинск и заехал ко мне в Пермь, где я работал. Хотя в этом надобности не было.

Вышинский. — Подсудимый Торнтон, вы там были?

Торнтон. — Был.

Из дальнейшего допроса выясняется, что **Олейник** *не всегда удачно выполнял* свою роль шпиона.

Вышинский. — Вы добросовестно шпионили?

Олейник. — Как все — добросовестно.

Вышинский. — Как работали добросовестно, так и шпионили добросовестно, по мере сил?

Олейник. — По мере сил.

Оказывается, что не только Монкгауз и Торнтон, но и Нордвол в бытность последнего в Мотовилихе давал Олейнику поручения по шпионажу.

На этом заканчивается утреннее заседание 15 апреля.

Монкгауз подтверждает, что он собирал информацию, «используя для этого все возможности». Монкгауз подтверждает, что эти сведения ему доставляли обвиняемые Торнтон и Кушни. Монкгауз открещивается от «шпионского характера» этой информации. По вопросу о взятке Долгову Монкгауз признает лишь свою «ошибку» в том, что он участвовал в списании этой суммы.

Далее Монкгауз подтверждает наличие ряда дефектов в оборудовании, поставленном фирмой «Метро-Виккерс». Так, турбины Орехово-Зуевской станции, по словам Монкгауза, были «неудачны» по выбору и по исполнению. Турбины МОГЭС имели серьезные дефекты в лопатках, что приводило к авариям. На вопрос тов. Вышинского—серьезны ли эти аварии, Монкгауз отвечает: «По-моему, не очень серьезные. Я не знаю, что вы называете серьезными. Я считаю серьезной аварию тогда, когда турбина вылетает через крышу».

Вышинский.—*А если через крышу не вылетела, а пришла в негодность, это не серьезная авария? Наши понятия о несерьезности несколько различны.*

Монкгауз. — Когда надо остановить турбину на два—три дня и исправить лопатки — это не очень серьезная.

Вышинский.—Я не говорю, что это очень серьезная. Но между двумя днями остановки и между тем, чтобы турбина выскочила через крышу, разница большая.

Монкгауз.—Конечно, для репутации фирмы это серьезно, но вообще авария не серьезная.

Вышинский.—Я сейчас вопрос о вашей фирме не обсуждаю. Мы фирму не судим, а говорим здесь с вами. Поэтому меня репутация вашей фирмы мало интересует, а меня интересуют ваши действия.

Далее **Монкгауз** подтверждает наличие дефектов с диафрагмой в оборудовании, *поставленном фирмой для Зугреса*, дефекты с лопатками в Бакинской станции и в Нигрэсе и Челябгрэсе. Монкгауз признает, что в результате этих дефектов были аварии и простои.

Монкгауз.—Простои небольшие были. Но в Орехово-Зуеве был действительно длительный простой. Но здесь виноваты не «Метро-Виккерс» и не мы.

Вышинский.—*Я еще раз говорю, что я «Метро-Виккерс» не обвиняю здесь. Я обвиняю здесь Монкгауза.*

Далее **Монкгауз** признает, что 5 мощных турбин работали неполной нагрузкой из-за дефектов диафрагмы. После этого тов. **Вышинский** задает подсудимому Монкгаузу следующий вопрос: «Если бы явились люди, которые почему-либо пожелали бы эти дефекты скрыть, то они могли бы это сделать? Есть что скрыть?» **Монкгауз** отрицает эту возможность; он считает, что дефекты, например, с лопатками скрыть нельзя.

Вышинский. — Я вас спрашиваю, с чем вы, может быть, руководствуясь собственной логикой, не согласитесь: могут ли люди, желающие воспользоваться этими дефектами, действовать так, чтобы их во-время не вскрывать, а, наоборот, замазывать? Могло быть так или не могло?

Монкгауз. — По-моему, очень трудно.

Вышинский. — Но не исключена возможность?

Монкгауз. — По-моему, почти невозможно.

Затем тов. **Вышинский** задает Монкгаузу вопрос, подтверждает ли он свое показание о том, что он говорил про рыковскую машину, что он если бы был сотрудником Наркомтяжпрома — ее бы не купил. Желая увильнуть от ответа на этот вопрос, **Монкгауз** ссылается на усталость в результате 18-часового допроса на предварительном следствии.

Председатель. — Подсудимый Монкгауз, сколько вы находились часов в заключении в Москве?

Монкгауз. — Только двое суток.

Вышинский. — Значит, таким образом, вы на месте сотрудника Наркомтяжпрома эти машины не взяли бы?

Монкгауз. — Не взял бы.

Вышинский. — А кто эти машины присылал?

Монкгауз. — Наша фирма.

Вышинский. — Так что ваша фирма продавала?

Монкгауз. — Не наши выбирали машины.

Вышинский. — Значит, выбирали наши, а ваши сплавляли?

Монкгауз. — Мы сделали все, чтобы удовлетворить клиентов машинами.

Вышинский. — От которых вы сами, как представитель фирмы, отказываетесь?

Монкгауз. — Я лично не купил бы эти машины, не выбрал бы.

Вышинский. — Почему?

Монкгауз.—Это длинный технический разговор.

Председатель.—Потому что они хорошие или плохие?

Монкгауз.—Это новая система.

Вышинский.—Но и новая система может быть хорошей? Или вы враг нового? У меня вопросов нет.

Защитник Монкгауза **Коммодов** и защитник Кушни **Лидов** задают Монкгаузу ряд вопросов о том, могли ли быть исправлены дефекты в лопатках на месте или эти дефекты были такого характера, что исправить их можно было только в Англии, на заводе, где они изготовлялись. **Монкгауз** отвечает, что эти дефекты обусловливались неправильной конструкцией лопаток на заводах в Англии, но дефекты могут быть исправлены и здесь, на месте. Далее Монкгауз указывает, что им принимались меры для исправления дефектов и изучения причин их, но считает технически вопрос очень сложным.

МОНКГАУЗ ИЗВИНЯЕТСЯ.

Уличенный документальными данными, оглашенными тов. Вышинским, **Монкгауз** старается оправдать свое заявление о 18-часовом допросе тем, что он не имел часов и не знал, сколько точно времени он был на допросе. Тов. **Вышинский** задает Монкгаузу вопрос: «Если у вас не было часов, то почему вы утверждаете, что вас допрашивали 18 часов?»

Монкгауз.—Я вижу, что я ошибся, и приношу свои извинения.

Вышинский.—Вы извиняетесь за свою ошибку,—это очень приятно слышать.

После этого председатель тов. **Ульрих** ставит вопрос о дальнейшем ведении судебной процедуры. Выясняется, что подсудимые **Нордвол и Монкгауз** желают задать несколько вопросов экспертизе. Для составления этих вопросов об'является перерыв.

По возобновлении заседания Специального присутствия Верховного суда защитник Нордволла **Долматовский** заявляет, что его подзащитный отказывается от представления вопросов комиссии экспертов. Защитник Монкгауза **Коммодов** зачитывает первые два вопроса из шести, представленных Монкгаузом.

Однако в виду позднего времени и необходимости окончательно сформулировать вопросы, представленные Монкгаузом, заседание откладывается до 10 час. утра 16 апреля.

ПОДКУП, ШПИОНАЖ, ДИВЕРСИИ—ПОД МАСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
ПОКАЗАНИЯ КУТУЗОВОЙ.

После перерыва суд приступает к допросу подсудимой **Кутузовой.** Кутузова рассказывает свою биографию. Родилась в 1895 году, окончила женскую гимназию. Была с 1913 г. на конторской работе в частной немецкой конторе, а затем в конторе русско-американского общества «Треугольник» в Ленинграде.

После Октябрьской революции занимала различные должности на Свирьстрое и Волховстрое.

С представителями «Метрополитен-Виккерс», инженерами Монкгаузом, Торнтоном и Сутерландом, познакомилась на Волховстрое, где работала секретарем главного инженера. В апреле 1929 г., по приглашению Монкгауза, перешла на работу в контору «Метрополитен-Виккерс» секретарем Монкгауза, затем переехала в Москву, где и работала в конторе «Метро-Виккерс» до момента ареста.

Тов. **Рогинский,** указывая, что допрос Кутузовой в значительной мере уже исчерпан в процессе судебного следствия при допросе ряда других подсудимых, спрашивает подсудимую Кутузову, подтверждает ли *она свои показания* о том, что ей было известно о преступной деятельности Торнтона и Монкгауза.

Кутузова.—Да, подтверждаю.

Далее на вопросы тов. Рогинского подсудимая Кутузова подтверждает, что существом этой преступной деятельности был шпионаж, диверсионная работа и что ей известно было о подкупе Торнтоном и Монкгаузом ряда русских инженеров и техников для участия в этого рода деятельности.

Рогинский. — Можете вы назвать всех инженеров, которые, по вашим данным, получали деньги за совершение вредительских актов, которые сидят здесь на скамье подсудимых?

Кутузова. — Да, могу.

Кутузова *называет фамилии*: Гусев, Соколов, Витвицкий, Крашенинников, Зорин, Сухоручкин.

На вопросы тов. **Рогинского** подсудимым, названным Кутузовой, действительно ли они получали взятки за вредительскую работу и шпионаж, подсудимые **Гусев, Соколов, Крашенинников, Зорин и Сухоручкин** отвечают утвердительно. Гусев подтверждает также, что он передавал деньги Витвицкому, около 4½ тыс. руб., полученных от Макдональда.

Кутузова подтверждает свое показание на предварительном следствии, что взятки, уплачиваемые русским инженерам за вредительскую работу, Торнтон заносил в свои записные книжки, хранившиеся у него на квартире, и что эти книжки Торнтон увез в Англию в конце 1932 г. На вопросы защитников **Брауде, Либсона и Шафира** подсудимая **Кутузова** показывает, что она жила с Монкгаузом и Торнтоном в одном доме, что знали они ее свыше 8 лет, совершенно доверяли ей и вели при ней разговоры о вредительстве, обсуждали план аварии Бакинской и Зуевской электростанций, при чем Торнтон однажды заметил, что если бросить в турбину посторонние предметы, то турбина взорвется. Кутузова подтверждает также, что она посылала посылки инженерам Гусеву и др., состоявшим во вредительской группе, и передавала некоторым из них деньги.

ТОРНТОН ОКОНЧАТЕЛЬНО РАЗОБЛАЧЕН.

По ходу допроса Кутузовой, тов. **Вышинский** опрашивает подсудимого **Торнтона:** подтверждает ли он показания *Кутузовой?* **Торнтон** отрицает правильность этих показаний, но признает, что специальные записные книжки, куда заносились «расходы», в частности деньги, данные Зиверту, у него действительно были, и он их увез в Лондон в 1932 году.

Торнтон отрицает, что он говорил с Монкгаузом в присутствии Кутузовой о возможности испортить турбину, бросив туда какой-либо предмет, и заявляет, что «никаких разговоров о том, как вредить, не было». Торнтон заявляет также, что показания подсудимой Кутузовой, будто у него, Торнтона, помимо фирменных обязанностей есть еще и другие, неверны. Тов. **Рогинский** спрашивает Торнтона: «А на очной ставке вы это тоже отрицали?»

Торнтон.—Отрицал.

Тов. **Рогинский** зачитывает протокол очной ставки между Торнтоном и Кутузовой 16 марта 1933 г., где задается Кутузовой вопрос: «Было ли вам известно, что Торнтон занимается шпионской деятельностью?», на что Кутузова ответила: «Да, мне было это известно, я замечала, *что к нему стали приходить какие-то* лица, русские инженеры, и он с ними вел таинственные беседы. Это меня навело на размышление. Это было в конце *1930-го, начале 1931 г.* На заданный мной об этом вопрос Торнтону он мне ответил, что у него кроме фирменных обязанностей есть и другие. На заданный тогда на очной ставке вопрос Торнтону, подтверждает ли он это показание Кутузовой, ответ: «Да, показание Кутузовой подтверждаю». Подпись «Торнтон».

Торнтон после оглашения протокола очной ставки заявляет, что его показания на очной ставке записаны правильно, но что он их «напрасно подписал». То же самое заявляет сейчас Торнтон и в той части показаний на очной ставке с Кутузовой, где *он признал, что им производилась* оплата шпионской работы русских инженеров. Показания эти он дал на очной ставке, подписал их, но *якобы «на самом деле так не было»*.

Тов. Рогинский читает протокол постановления следователя от 4 апреля 1933 г., где Торнтону пред'являлись обвинения в том, что он 1) занимался экономическим и военным шпионажем, 2) привлекал к шпионской работе ряд советских инженеров и техников и давал им разными суммами деньги за передаваемые ему сведения, 3) как лично, так и через посредство Макдональда и др. инженеров «Метро-Виккерс», ему подчиненных, систематически давал взятки ряду советских инженеров для сокрытия ими дефектов в оборудовании, поставленном фирмой «Метрополитен-Виккерс», и 4) давал задание Монкгаузу и др. инженерам фирмы организовывать и проводить через посредство специально привлеченных советских инженеров и техников порчу оборудования и аварии на ряде электростанций СССР, каковые аварии и порча оборудования были в дальнейшем проведены. Это обвинение было пред'явлено следователем Торнтону, и он тогда заявил: **«Обвинение я признаю, кроме 4-го пункта».**

Торнтон изворачивается, заявляя, что он тогда говорил неправду, но никаких об'яснений, почему именно говорил тогда неправду, дать не может. Свои путаные пояснения Торнтон заканчивает ссылкой на свое подавленное состояние в первые дни после ареста 12—13 марта 1933 г., когда он написал заявление, где сознался в шпионской деятельности, проводившейся через сотрудников «Метро-Виккерс» в СССР, и назвал фамилии 27 участников этой «работы». (Это заявление было зачитано на суде 13 апреля и опубликовано в советской печати). Торнтон заявляет, что 13 марта его долго допрашивали, а затем говорит следующее (через переводчика): «Мне дали понять, что если я признаюсь, все будет хорошо. А если не признаюсь, тогда я буду бесполезен как Советскому союзу, так и Англии».

Председатель суда тут устанавливает, что несмотря на «усталость», подсудимый сам писал по-английски, когда ему диктовали по-русски.

Далее тов. **Вышинский** спрашивает Торнтона: Чем вы были подавлены, вы не можете конкретно сказать?

Торнтон (молчит).

Вышинский. — Настроение было плохое?

Торнтон (молчит).

Вышинский. — 15 марта, когда вас допрашивали, настроение было такое же?

Торнтон. — Лучше.

Вышинский. — 17-го вас допрашивали?

Торнтон. — Да.

Вышинский. — Настроение было лучше?

Торнтон. — Немножко лучше.

Вышинский. — Будьте добры ответить на мой вопрос: когда-нибудь в последующие дни после допроса—14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31 и 1—*вы заявляли о том*, что вы этот протокол 13 марта аннулируете?

Торнтон. — Нет.

Вышинский. — Здесь, на суде, когда я вас допрашивал в первые дни по поводу ваших об'яснений, вы заявили о том, что вы этот протокол написали под давлением?

Торнтон. — Не заявил.

Вышинский. — Я задал вам три вопроса: *оказывали ли на вас давление?* Вы отвечали: нет?

Торнтон. — Нет.

Вышинский. — Я спрашивал вас: мучили ли вас? Вы отвечали: нет.

Торнтон. — Нет.

Вышинский. — Я спрашивал вас: применяли ли к вам при допросе третью степень? Что вы ответили?

Торнтон. — Нет.

Вышинский. — Теперь что вы говорите?

Торнтон. — Я понял—мучили не физически.

Вышинский.—Физически или морально—мучение есть мучение. Я спрашиваю вас: кто из находящихся в Москве англичан научил вас говорить сейчас неправду?

Торнтон. — Я говорю правду.

Вышинский. — Я понимаю, кто мог научить, кто вас научил и почему вы теперь это говорите.

Торнтон (молчит).

Вышинский. — Я больше вопросов к Торнтону не имею.

Суд переходит к допросу подсудимого **Грегори.**

Грегори приехал в Москву в апреле 1932 г. и в качестве представителя фирмы «Метро-Виккерс» работал на ряде станций сборщиком масляных выключателей и других механизмов.

На *вопрос тов.* **Рогинского,** подтверждает ли он показание Зиверта, что он, Грегори, занимался вредительством, Грегори отвечает отрицательно и утверждает, что он работал добросовестно.

На этом допрос подсудимого Грегори заканчивается.

Тов. **Вышинский** заявляет, что прокуратура согласна на приобщение к делу письма **Олейника,** адресованного в контору «Метро-Виккерс».

Затем тов. **Вышинский** делает следующее заявление:

Вечернее заседание 15 апреля.

В начале вечернего заседания защитник **Коммодов** задает ряд вопросов подсудимому **Олейнику.** Олейник подтверждает свои показания относительно получения им заданий о собирании сведений экономического характера и по подбору людей для шпионажа и диверсий от Торнтона. Затем защитник Коммодов возбуждает *ходатайство о приобщении* к делу двух документов, которые он передает председателю суда. Отвечая на вопросы защитника Долматовского, **Олейник** сообщает, что во время приезда Нордволла в Мотовилиху, он просил Олейника познакомить его с местными инженерами, у которых он мог бы получать нужные ему сведения. Олейник говорит, что он передавал Нордволлу ряд *сведений нелегального характера*. Олейник указывает, что Нордволл производил на него впечатление «очень опытного шпиона». Олейник показывает, что Нордволл вел подпольную дезорганизаторскую работу среди рабочих и агитировал их за то, чтобы они задерживали работу. По словам Олейника, Нордволл подкупал рабочих.

МОНКГАУЗ ПРИПЕРТ К СТЕНЕ

После этого суд приступает к допросу подсудимого **Монкгауза.** Монкгауз показывает, что в 1918 году он был переводчиком в английской экспедиции в Архангельске. Там он служил переводчиком при оперативном деле на ст. Высокие Горки в чине унтер-офицера. В феврале 1919 года он был назначен офицером и получил ранг капитана. При чем, по словам Монкгауза, он был произведен из унтер-офицеров в капитаны через две недели. Из Архангельска он эвакуировался почти последним. Монкгауз показывает, что он ежемесячно ездил в Архангельск, где встречался с капитаном Ричардсом, который служил в английской разведке. В 1924 году он прибыл в СССР в качестве инженера фирмы «Метро-Виккерс». Монкгауз говорит, что ежегодно он три раза бывал в Англии.

Отвечая на вопросы тов. Вышинского,

Заявление тов. Вышинского.

К концу сегодняшнего заседания до перерыва Монкгауз, между прочим, так, слегка, как будто нечаянно сказавши о своей усталости, сослался на 18-часовой допрос. Не придавая этому серьезного политического значения, но, однако, считаясь с возможностью этого мотива для организованных попыток дискредитировать некоторые действия предварительного следствия,—а что эти попытки имели место, показывает дальнейшее поведение Торнтона, о котором я, конечно, до перерыва знать не мог,—я затребовал из внутреннего изолятора ОГПУ дела арестованных, содержащие в себе ордер на арест и направление для заключения в изолятор арестованных, а также бланки, на которых содержатся не только даты, но также и часы, по установленной форме, выбытия на допрос и прибытия с допроса каждого выводимого из камеры изолятора в следственную часть.

Из рассмотрения этого материала, который я буду иметь честь представить суду и просить приобщить его к делу до момента исчезновения надобности и необходимости в нем, так как это должно быть возвращено по назначению, я должен обратить внимание на то, что заявление Монкгауза сегодня о 18-часовом допросе является ложным заявлением, точно так же, как заявление Торнтона о длительном допросе, в результате которого охватила его особая усталость, также является ложным. Доказательством этого служит следующее: Монкгауз был арестован в ночь с 11 на 12 марта и в 3 ч. 15 м. уже доставлен в изолятор. Вызван же был на допрос 12-го, в 11 ч. 15 м. утра. Следовательно, он имел полную возможность для отдыха. Допрос длился до 15 час. 15 мин., после чего был перерыв на обед, который был тут же, в комнате следователя, предоставлен подсудимому Монкгаузу. Обед занял продолжительное время, ибо состоял из 3-х блюд. Снова допрос был возобновлен в 17 час. 10 мин. Прекратился в 1 ч. 10 м. В течение этого допроса был также перерыв в 40—45 м. для ужина, там же в кабинете следователя. Эти факты отрицать Монкгауз не посмеет.

Кроме того, Монкгауз не только был допрошен в течение этих часов, но его допрос был им собственноручно переведен на английский язык. На все это понадобилось время, которое исчисляется в максимальный допрос в 12 ч. 30 мин., с указанными мною перерывами.

Я полагаю, что этих данных достаточно для того, чтобы отбросить эту совершенно негодную попытку ссылками на всякого рода ненормальные условия допроса дискредитировать этот допрос, как и отдельные моменты предварительного следствия, не говоря уже о том, что всегда была возможность конкретно об этом заявить, дабы можно было путем прямого расследования установить факты, которые могли бы противоречить об'яснениям, представляемым мною сейчас суду.

Что касается Торнтона, то, поскольку я вытребовал все дело для того, чтобы быть достаточно вооруженным и встретить в этом вооружении всякие заявления, которые могут здесь последовать после выходки Монкгауза, здесь дело обстоит точно так же неблагополучно для обвиняемых.

Торнтон, как это видно из его дела за № 597, арестован и доставлен во внутренний изолятор в то же время, как и Монкгауз. Первый допрос же его происходил также 12 марта, в 11 час. 45 мин., и занял 4 часа 15 мин. Второй допрос, после перерыва на обед, был возобновлен в 17 часов и окончился в 1 час ночи, т.-е. длился 7 часов 55 мин. Общее время допроса Торнтона заняло 12 часов.

Это вообще максимальное время допроса, которое имело место, со всеми перерывами на обед, на ужин, на завтрак, на путь, который необходимо пройти от изолятора в кабинет следователя и из кабинета следователя обратно в изолятор. Все эти данные свидетельствуют о том, что организованная попытка подсудимых Торнтона и Монкгауза таким путем попытаться уйти от улик, к ним пред'являемых, должна быть отвергнута, как недобросовестная и опровергаемая всеми фактами и обстоятельствами.

Тов. **Вышинский** передает судебному присутствию все оглашенные им документы.

РАСПЛАТА.

Годы,
творившие нашу страну,
Радость,
несущую миру весну,
Кровь,
что пролили мильоны в бою,
Жизнь,
потерявшую тяжесть свою,
Молнии
наших невиданных гроз,
Пашни,
где вырос и крепнет колхоз,
Силы,
поднявшие каждый завод,
Мысли,
какими рабочий живет,
Строй,
где стальной большевизм—
бригадир,
Руки,
которыми создан весь мир,
Дело мильонов,
порывы творца,
Замыслы,
стройку,
идеи,
сердца,—
Все,
что создали,
что надо создать,
кто-то
хотел
продать.
Я подымаю
на руки
дитя,
Я вспоминаю
про тонны литья,
Слышу,
как песню поют города,
Вижу МОГЭС
и его провода...
Это за них
получала рубли
Мерзкая
падаль
земли!
Вот перед нами
большая страна.
Дни напряженья,
дела, имена,
Планы,
раздумья,
всемирный пример
Токарь,
колхозник,
шахтер,
инженер..
Это за них
уловители душ
Дали
копеечный куш!
Дали,
чтоб мог
возвратившийся тать
Грабить,
душить,
убивать,
угнетать,
Дали,
чтоб смерть
—с заграничным клеймом!—
Дело рабочих
пустила на слом...
Ненависть!
Встань
и мощна и грозна!
Наши счета,
что пред'явит
страна,
Гусевых шайка
оплатит сполна.
Годы,
творившие нашу страну,
Радость,
несущая миру весну,
Кровь,
что пролили мильоны в бою,
Жизнь,
потерявшая тяжесть свою,
Молнии
наших невиданных гроз,
Пашни,
Где вырос и крепнет колхоз,
Силы,
поднявшие каждый завод,
Мысли,
какими рабочий живет,
Строй,
где стальной большевизм—
бригадир,
Руки,
которыми создан весь мир,
Дело мильонов,
порывы творца,
Замыслы,
стройка,
идеи,
сердца,
Нашей Республики
каждая пядь,
Все,
что создали,
что надо создать,—
Грозно
гремят нам:
— ВО ИМЯ ЛЮБВИ
ВРЕДИТЕЛЕЙ
РАЗДАВИ!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

ШУБА ДЛЯ МУЗЕЯ.

Говорят, история повторяется.

Может быть, она и повторяется. Но каждый раз по-новому.

Вредительские истории повторялись у нас за последние годы несколько раз. Было раскрыто несколько организаций; *каждую из них* направляла твердая и настойчивая рука извне, из-за границы.

В одном случае это были бывшие владельцы фабрик и заводов, ныне принадлежащих их настоящему хозяину, рабочему классу.

В другом случае это были иностранные капиталисты, желавшие ускорить свой приход в нашу страну в качестве концессионеров и колонизаторов.

В третьем случае это были иностранные военные штабы, подготовлявшие наступление на Советский союз, набег, интервенцию.

В большинстве случаев это был блок всех вместе: и старых русских фабрикантов, и иностранных капиталистов, и военных штабов.

Каждый раз твердая и настойчивая рука извне находила себе внутри страны орудие, инструмент, опору—российских, отечественных вредителей.

Опора менялась.

В одном случае это были бывшие приказчики, бывшие служащие старых хозяев, угольных, нефтяных, металлургических магнатов, бежавших за границу. *Приказчики поддерживали связь с господами*, получая от них деньги, приказы, иногда даже ездили к ним в Берлин, в Париж, используя советские командировки.

В другом случае это были крупные инженеры, генералы, профессора, бывшие заправилы промышленности и сельского хозяйства. Их из'едал червь властолюбия, их лихорадило манией величия, они считали унижением для себя состоять на службе у «своих же» рабочих, они бредили властью технократии в нашей стране, составляли списки правительства, возили их за границу на утверждение и в счет уплаты за свои будущие министерские портфели шпионили для интервенционистских разведок, холодно и цинично разрабатывали громадные *планы разрушения и убийств*.

В третьем случае это были обанкротившиеся, потерпевшие крах профессиональные политики, меньшевики, эсеры. Они готовили возврат капитализма, как сладкую месть ненавистным большевикам. Они не рассчитывали сами притти к власти, но рады малой радостью будет расчистить дорожку, по которой придут долгожданные кованые сапоги и станут на горло пролетарской диктатуре?..

В большинстве случаев это был блок и старых царских помещиков, и ученейших вредителей-инженеров, и хитроумнейших меньшевистских талмудистов.

Опять процесс, опять вредители. И опять — другие лица. Опять перемена.

С точки зрения вредительской — перемена к худшему.

Времена уходят. Мельчает народ. До чего мельчает!

Глава «Промпартии» профессор Рамзин—он бы не стал даже разговаривать с Гусевым, Лобановым, Сухоручкиным, Зивертом, с героями нынешнего электро-вредительского процесса. Даже скромный рамзинский секретарь Очкин—и тот подал бы сегодняшним подсудимым только два пальца.

На процессах «Промпартии» и меньшевиков пропахли и бесславно канули в вечность последние могикане враждебной рабочему классу и Советской стране буржуазной интеллигенции.

То, что выкристаллизовалось сейчас на судебный процесс Голубого зала Дома союзов,—это уже какие-то ошметки. Огрызки. Мелкая муть со дна.

Старые специалисты, квалифицированные люди не причислят Лобановых и Гусевых к своей среде.

Но это и не советские специалисты. Ни по возрасту, ни по культуре, ни по технической выучке.

В старое время были монтерами, старшими техниками, под-инженерами,—словом, фельдфебелями капиталистической промышленности. В наше время, пройдя где-нибудь переподготовку, дополнительный курс, преобразились в якобы старых специалистов.

Старая интеллигенция или новая? Ни старая ни новая. Никакая.

Какие запросы у этих людей? Какие аппетиты? Каков стиль их поведения? До ареста и после ареста, здесь, на суде?

Инженер Лобанов с Ивановской *электростанции—бойкий мужчина*. Свои ответы суду он отщелкивает точно, ясно и даже с некоторой примесью молодцеватости. Полная противоположность своему коллеге из Златоуста—Гусеву.

Гусев—мрачная личность, говорит в стиле унылого и запуганного простодушия.

Лобанов—восприимчив, быстро откликается на вопросы, разговаривает общительно и даже с примесью некоторого разбойничьего юмора.

Допрашивать Лобанова не составляет особенного труда. В течение нескольких десятков минут любезной беседы развертывается весь фильм вредительских актов на Игрэсе.

И вывод из строя моторов, и разрушение цепных решеток, и выключение фидеров *собственных нужд*, и порча подшипников, и искалеченные питательные насосы, и короткие замыкания, и авария мотора, и порча вентиляции, и разрыв *телефонной связи*.

Лобанов не просто перечисляет свои вредительские заслуги.

Он подробно и со смаком об'ясняет, *как и почему каждое отдельное повреждение*, каждая созданная им авария, с первого взгляда мелкая и несерьезная, влекла за собой серьезное расстройство работы станции,—расстройство и длительное понижение мощности...

Не просто вредитель, а разрушитель-гастроном. Любитель своего дела. Любитель и знаток.

В своих об'яснениях Лобанов часто поминает мистера Нордволла. Этот мистер, культурный и целеустремленный человек, познакомившись с Лобановым и быстро с ним подружившись, показал ему массу забавных штучек, которые можно без особого труда, имея лишь на то желание, проделать с [illegible] машинами на электростанции.

И весело будет, и советской власти можно вогнать перо, чтобы не слишком задавалась своей индустриализацией, и кое-какие денежные осадки образуются после операции...

Мистер Нордволл, британский инженер, смирно сидит на задней скамье подсудимых, он с каменным лицом слушает, как повторяется его фамилия. Смотришь на Нордволла—словно и не о нем говорят.

Но нет. Выслушав показания своего друга (бывшего друга?) Лобанова, мистер Нордволл хочет их опровергнуть.

Он гордо и надменно становится у микрофона. Слушайте, судьи. Слушай, публика. Слушайте, журналисты.

Не он, Нордволл, вел с Лобановым антисоветские разговоры. Не он подстрекал Лобанова ломать машины, чтобы подорвать материальное положение советской промышленности и улучшить свое собственное.

— Наоборот!

Это Лобанов заговорил с Нордволлом в антисоветском духе, стал скулить, жаловаться на скудные заработки и тяжелую жизнь. А Нордволл ему в ответ высказал мнение, что советские инженеры сейчас должны поступиться великими удобствами и жить поскромнее, чтобы *помочь построить пятилетку*.

Он, Нордволл, был крайне возмущен контрреволюционными рассуждениями Лобанова. Не хотел с ним даже разговаривать! *Но из принципа и из чувства* долга счел нужным упропагандировать Лобанова и направить его на путь истинный.

Не видно, чтобы в зале очень поверили в агитационную деятельность мистера Нордволла именно в этом направлении. Если бы верили, не смеялись бы.

А в зале смеялись. Даже хохотали.

Смеялись и хохотали во всех углах зала, даже в тех углах, где сидят земляки мистера Нордволла... *Уж очень* сомнительно, чтобы подсудимый так далеко повел свою дружественную консультационную работу на Ивановской электростанции...

Вредитель Лобанов стоит на очной ставке рядом с вредителем Нордволлом, касается его плечом.

Сейчас это прикосновение — враждебное. Двое вредителей перессорились перед судом, они стоят рядом, но не смотрят друг на друга.

А ведь еще недавно — смотрели, и очень ласково. И действовали совсем близко, тоже плечом к плечу... Даже шубой наградил один другого в знак дружбы и верности.

За предательство, за вредительство Лобанов получил от Нордволла три тысячи рублей и шубу.

Об этой шубе Нордволл вспоминает весьма неохотно. А Лобанов — благодарственно и лирически. Хорошая была шуба!

Деньги — это вещь преходящая. Получил, истратил, забыл. Шуба — она греет организм. Она мыслить помогает.

В жалованной Нордволлом лондонской шубе инженер Лобанов ходил по электростанции с деловым, серьезным видом, с раздумьем на лице.

Раздумывая он о том, какую бы еще машину попортить, какой мотор сжечь, каким путем лишить красное Иваново, текстильную советскую столицу, электрической энергии, живительного тока для фабрик и домов...

Все-таки времена меняются. Меняются люди, меняются аппетиты.

Инженера Рамзина интересовало кресло премьер-министра будущего буржуазного российского правительства.

Инженера Лобанова, спустя два года, интересовала кунья простой шубой.

Результат обеих сделок оказался один и тот же. Обе эти сделки пришлось в торжественной обстановке, на суде, признать несостоявшимися. Но какой контраст! Какая дистанция — за два года! Вероятно, Лобанов себя считает хоть и мельче Рамзина, но практичнее его. Рамзин даже и в глаза не увидел своего премьер-министерского портфеля. Лобанов все-таки погрелся несколько месяцев в шубе из лондонской контрразведки. Где она, эта шуба? Надо ее найти, повесить в музее—подлинный документ классовой борьбы эпохи построения социализма.

История движется именно так—повторяясь, и каждый раз по-новому. Все еще силен и направлен против нас неуемный враг извне. Все еще предприимчив и богат. Но все мельче и ничтожнее, и подлее, и малозаметнее его опора внутри страны. Все хуже греет лондонская шуба в свежем советском климате.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Германские корреспонденты о процессе вредителей.

БЕРЛИН, 15 апреля. (ТАСС). Московские корреспонденты **«Кельнише цейтунг»** и **«Фоссише цейтунг»** уделяют особенное внимание разоблачению Торнтона, как одного из руководителей английского шпионажа в СССР.

«Обвинение, — пишет корреспондент **«Фоссише цейтунг»,** — **рассматривает ТОРНТОНА, КАК ГЛАВНОГО АГЕНТА ШПИОНСКОЙ СЕТИ АНГЛИЙСКОГО «ИНТЕЛЛИДЖЕНС СЕРВИС». ДЛЯ ЭТОГО ОБВИНЕНИЕ ИМЕЕТ ВСЕ ОСНОВАНИЯ, ибо имеются собственноручно написанные Торнтоном показания, в которых он весьма подробно описывает структуру аппарата тайных агентов...**

Психологической загадкой остается вопрос о том, каким образом получилось это показание, которое Торнтон то подтверждал, то отрицал. При отрицании этого показания обвиняемый сослался на запуганность и смятение. ОН, ОДНАКО, НЕ МОГ УКАЗАТЬ, ЧТО ИЛИ КТО ЕГО ЗАПУГАЛ».

Московский корреспондент **«Кельнише цейтунг»** пишет:

«Торнтон не мог отрицать того, что этот протокол написан им. Теперь он отрицает правильность его содержания и заявляет, что он был запуган, безволен и находился в смятении. Однако против этого говорят ясность и точность содержания написанного им показания».

ТВЕРДОЛОБЫЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОТЕРЯЛИ ГОЛОВУ

(От нашего лондонского корреспондента).

ЛОНДОН, 15 апреля. Чем дальше развертывается на московском процессе убийственная для британских интервентов картина, тем бешенее и вместе с тем глупее становятся попытки дискредитировать процесс в Англии.

Ярким примером методов, которыми здесь пытаются дискредитировать процесс заинтересованные в этом круги, является сегодняшнее выступление твердолобой **«Дейли мейль».** Как известно, буржуазные английские газеты заявляли сперва, что показания обвиняемых даны под пытками. Сами обвиняемые опровергли эту клевету английской печати. Теперь **«Дейли мейль»** печатает корреспонденцию из Нью-Йорка, сообщающую, что показания даются обвиняемыми под действием каких-то таинственных наркотических трав, уничтожающих человеческую волю. Эти травы неизвестны ни в Западной Европе, ни в Америке и изготовляются в СССР «тибетцами, состоящими на службе у ГПУ».

Повидимому, твердолобые потеряли головы в результате разоблачений на московском процессе, раз они прибегают к такой глупой пинкертоновщине. Не приходится удивляться, что антисоветская кампания английской буржуазной печати все больше теряет влияние на широкие слои населения.

ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЕТ ШПИОНАМ

ВАРШАВА, 15 апреля. **(Соб. инф. «Правды»).** Большинство польских газет приводит подробные отчеты о московском процессе вредителей—агентов британской контрразведки. Газеты в заголовках подчеркивают **руководящую роль английских инженеров в организации вредительства и шпионажа.**

«Газета польска», «Иллюстрованны курьер цодзены» и другие газеты в отчетах подчеркивают заявления **Торнтона, Макдональда** и других подсудимых на суде, что все их показания на предварительном следствии были даны ими добровольно, и что они не подвергались никаким насилиям.

Один лишь орган ППС—**«Роботник»,** подобно своему французскому собрату **«Попюлер»,** берет под свою защиту разоблаченных на суде шпионов и вредителей.

В противовес буржуазной «Иллюстрованны курьер цодзены», констатирующей, что **«английские инженеры оплачивали вредительские акты»,** «Роботник» стремясь попасть в тон английской твердолобой печати, **пытается отрицать установленные факты,** ставя под вопрос даже сообщения о процессе официального **Польского телеграфного агентства.**

ПРОФСОЮЗЫ МАНЧЕСТЕРА ОСУЖДАЮТ ПОЛИТИКУ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ЛОНДОН, 15 апреля. Исполком совета профсоюзов **Манчестера** принял резолюцию о московском процессе, гласящую: «Требование британского посла об отмене суда было намеренно провокационным. По отношению к какому-либо другому государству такого рода требование не могло бы иметь место. Эмбарго на советский импорт не поможет арестованным британским инженерам. Это эмбарго создаст опасность для англо-советских торговых отношений, ухудшение которых лишит нас одного из важнейших рынков в мире для британской промышленности и будет определенной угрозой для всего мира».

Изанов.

„НЕ МОСКВА, А МИРУТ“.

Как реагируют деловые английские круги на беснования твердолобых в связи с процессом британских шпионов и вредителей? Наглядный пример этому дает приводимый нами фельетон из либерального лондонского еженедельника **«Нью стейтсмен энд нейшен».** Этот фельетон весьма кстати напоминает британским реакционерам про мирутский процесс, который охарактеризован другим английским журналом, **«Нью лидер»,** как **«величайший скандал в области политических преследований, наиболее позорный в судебных анналах мира».**

Нет угла на земном шаре, где не было бы известно слово **Мирут.** Там происходил суд над 30-ю революционерами, индусами и англичанами, обвинявшимися в коммунистической деятельности и организации революционного профдвижения. Четыре года тянулось следствие! Допрос «третьей степени», содержание в нечеловеческих условиях, все меры физического и морального воздействия были пущены в ход англо-индийской охранкой и следственными властями, чтобы сломить волю революционеров и заставить их дать нужные показания. И только в начале 1933 г. британские власти вынуждены были назначить процесс, который закончился свирепыми каторжными приговорами. Приговорить удалось не всех, так как некоторые заключенные умерли до суда в результате тюремного режима и методов следствия.

Озаглавив свой фельетон

«Процесс британского подданного»,

«Нью стейтсмен энд нейшен» высмеивает в нем лицемерие, ханжество и цинизм твердолобых поработителей Индии, пытающихся выдать изобличенных контрразведчиков за невинных агнцев.

«До тех пор,—начинается фельетон,—**пока я сюда не попал, я никогда не задумывался о декларации прав, суде присяжных и прочих вещах, не только фигурирующих в учебниках истории, но тесно связанных с британской жизнью. Не понимаю, как я мог думать, что я могу здесь себя так вести, как в Англии. Как я мог совершить такую глупость и забыть, что я уже не живу больше в «избранной и свободной от цепей стране» Свинберна. Как я мог не замечать, что все мои действия неправильно истолковываются и что, затравленный тайной полицией и окруженный правительственными шпионами, я должен был вместе с моими друзьями запутаться в конце концов в сети, из которой едва ли можно выбраться? Ибо совершенно очевидно, что беспощадный бюрократический аппарат добивался моего осуждения...**

Какую борьбу пришлось вынести для того, чтобы добиться освобождения на поруки! Только благодаря сильнейшему нажиму друзей из нашего старого отечества удалось этого добиться. Такие же усилия понадобились для того, чтобы обставить нас терпимыми условиями в тюрьме. Но когда мы потребовали суда присяжных, наши преследователи расхохотались. Они напомнили нам о том, что нас судят не в Британии, и даже намекнули на то, что «правосудие» было бы не удовлетворено, если бы нам предоставили это право.

Я уже давно слышал о словоохотливости наших тюремщиков. Но неужели этот человек никогда не перестанет говорить? В течение почти 8 недель он выслушивает показания сотен свидетелей, собранных со всех концов мира для того, чтобы показывать против нас. Собраны тысячи документов и книг, призванных доказать нашу вину. Нужно затратить целую жизнь для того, чтобы все это только просмотреть, а не усвоить и всему поверить, как это предлагает обвинение.

Сегодня эта длительная агония должна, кажется, кончиться, так как я слышал, что судья уже дошел до 650-й страницы бесконечного документа, написанного на пишущей машине и представляющего собой приговор, и осталось всего лишь 25 страниц. Может быть, эти последние страницы подтвердят то, что признало обвинение, а именно—что не доказано ни одного акта насилия или беззакония с нашей стороны, и этот процесс, являющийся сам по себе наказанием, закончится освобождением.

— Я упал в обморок?—спрашиваю я сторожа.—На суде было очень жарко!

— Может быть,—отвечает он загадочно,—а может быть и нет. 10 лет—это много времени.

— Мне все это, должно быть, снилось,—говорю я.

— Это сон, который окажется явью,—бормочет сторож.

Я, запинаясь, спрашиваю:

— Когда мне придется оставить Москву для того, чтобы начать отсиживать свой срок?

Он смотрит на меня как на сумасшедшего:

— Москва?—говорит он.—Мы ведь не в Москве, а в МИРУТЕ».

КЕРЕНСКИЙ В ГОСТЯХ У ТВЕРДОЛОБЫХ.

ЛОНДОН, 15 апреля. **(Соб. инф. «Правды»).** Лондонская газета **«Рейнольдс иллюстрейтед ньюс»** несколько дней назад сообщила о внезапном таинственном приезде **Керенского в Лондон.** Посещение было тщательно законспирировано, о нем знали всего 6 человек, и адрес прибывшего гастролера держался в строгой тайне.

Газета заинтересовалась путешествием Керенского и выяснила, что в лондонских белогвардейских кругах приезд Керенского ставят в связь с планами белогвардейских украинских кругов об **«отделении Украины, Донбасса, областей Кубанского и Терского казачьих войск, а также Кавказа от России, и образовании из них рядов буферных государств между Советской Россией и Европой».**

Газета замечает, что инициаторы этого плана «стремятся использовать наблюдающееся в настоящее время обострение англо-советских отношений для продвижения своих планов».

Кто стоит за этими планами? — спрашивает «Рейнольдс иллюстрейтед ньюс». «Стоят ли за ними Германия и правительство Гитлера, или же **некоторые международные нефтяные короли, хорошо известные как добровольные жертвователи в фонды национал-социалистов?»**

Перед вашингтонскими переговорами

Отсутствие СССР ставит под угрозу успех экономической конференции.

(От нашего ньюйоркского корреспондента).

НЬЮ-ЙОРК, 15 апреля. Польский посланник **в Вашингтоне** получил от своего правительства полномочия начать переговоры с правительством САСШ. САСШ пригласили Польшу обменяться мнениями по вопросу мировой экономической конференции и предложили в виду недостатка времени проделать это обычным дипломатическим путем.

Правительство САСШ пригласило принять участие в вашингтонских переговорах также и **Латвию.**

Газеты треста **Скриппс-Говард** передают мнение экономических экспертов, что успех мировой экономической конференции ставится под угрозу в виду того, что к участию в предварительном совещании в Вашингтоне Рузвельтом не приглашен Советский союз.

В связи с выраженным в дипломатических кругах Малой Антанты в Вашингтоне удивлением по поводу того, что их страны не будут участвовать в предварительных переговорах, имеющих международное значение, государственный секретарь **Халл** заявил:

«Правительство САСШ действовало по определенному плану, который состоит в том, что для переговоров приглашается на равных условиях небольшое количество держав. Мы хотим вести индивидуальные переговоры с представителями этих стран. Однако мы с равной сердечностью примем дипломатических представителей, аккредитованных в Вашингтоне и принадлежащих к странам, не приглашенным к участию в совещании».

В кругах Малой Антанты полагают, что ряд экономических вопросов не может обсуждаться без представителей их стран.

Повидимому, государственный департамент реагировал на эти аргументы соответствующим заявлением Халла.

Ольгин.

Итало-германский торг из-за Австрии.

РИМ, 14 апреля. (ТАСС). Итальянская печать избегает комментариев к происходящим сейчас в Риме переговорам между Герингом, фон-Папеном и Дольфусом.

В германских кругах в Риме дают следующее освещение этим переговорам: фон-Папен и Геринг имеют поручение обсудить спорные вопросы, разделяющие Италию с Германией — **проблему аншлюса** (присоединение Австрии к Германии) и **проблему германской экспансии на Балканах.**

Идея аншлюса подверглась совместной атаке Муссолини, Дольфуса и римского папы. Последний против аншлюса, так как опасается растворения католической Австрии в протестантской Германии.

Геринг и фон-Папен со своей стороны выдвигают вопрос о противодействии Германии и Италии англо-французским маневрам в плану сотрудничества четырех держав. Они настаивают также на безоговорочной поддержке кабинета Гитлера со стороны Ватикана.

* * *

ВЕНА, 14 апреля. (ТАСС). Глава австрийских легитимистов (монархистов) министр юстиции Шушнич в ближайшие дни выезжает в Рим.

ПАРИЖ, 14 апреля. (ТАСС). «Газет де Лозанн» печатает следующее сообщение агентства Гавас:

«По полученным из хорошо осведомленных источников сведениям, **между Будапештом и Веной достигнуто полное соглашение по вопросу о сопротивлении аншлюсу** (присоединение Австрии к Германии) и гитлеровской политике в Австрии.

Как сообщают, венгерское правительство сделало категорические заявления австрийскому канцлеру по этому вопросу, без сомнения, по указанию из Рима. Во влиятельных венгерских кругах под угрозой аншлюса склонны укрепить итало-австро-венгерский блок».

* * *

ПАРИЖ, 14 апреля. (ТАСС). Как пишет женевский **«Травай»,** в парижских политических кругах заявляют, что **Франция решила поставить вопрос об Австрии перед Лигой наций,** так как «политика Дольфуса приходит во все более явное противоречие с мирными договорами».

«Энформасион», касаясь планов об'единения Австрии и Венгрии путем реставрации монархии Габсбургов, приписывает эти планы непосредственно Муссолини.

«Журналь де деба» пишет: «Рим превратился в центр, притягивающий к себе сторонников ревизии договоров». «Быть может, — пишет далее газета, — менее прилично, но зато более правильно предположить, что **Геринг занят подготовкой восстановления германской военной авиации».**

На борьбу с фашизмом!

РАСШИРЕННЫЙ ПЛЕНУМ ЦК ИСПАНСКОЙ КОМПАРТИИ.

ПАРИЖ, 14 апреля. (ТАСС). Как сообщают из **Испании, в Мадриде** состоялся расширенный пленум ЦК испанской компартии. Пленум обсуждал следующие вопросы: 1) борьба против фашистской контрреволюции и задачи компартии в предстоящих муниципальных выборах; 2) проверка проведения в жизнь решений XII пленума ИККИ и политбюро испанской компартии, в особенности по организационным вопросам; 3) задачи органа компартии **«Мундо обреро»;** 4) задачи компартии в профсоюзном движении.

Пленум принял текст открытого письма к ЦК социалистической партии, реформистскому **«Всеобщему рабочему союзу»,** к анархо-синдикалистской **«Национальной конфедерации труда»** и к **«Испанской анархистской федерации».** В письме ЦК повторяет предложения о создании единого антифашистского фронта, сделанные политбюро компартии.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ИСПАНСКИХ РАБОЧИХ.

ПАРИЖ, 15 апреля. (ТАСС). Как сообщают из **Мадрида,** в рабочих массах вызывает негодование тот факт, что проживающие в Испании германские фашисты развивают здесь фашистскую деятельность.

Так, в **Мадриде** издается немецкая фашистская газета **«Дейчес эхо».** В **Барселоне** германские фашисты издают на немецком языке свой орган **«Дейче форпостен».**

В **Сантьяго (Галисия)** рабочие избили на улице германского фашиста **Адольфа Баумана,** раздававшего прохожим листки с речью Гитлера.

В **Сарагоссе** рабочие с возгласами **«Долой фашизм!»** отбирали у газетчиков еженедельник, издаваемый испанскими «традиционалистами» под откровенным названием **«Реасион»** («Реакция»), и избили одного фашиста.

В **Гальярта** (горнопромышленный район Бискайи) состоялся антифашистский митинг, созванный компартией. На митинге присутствовало более 4 тыс. рабочих. Решено бороться с фашизмом на основе единого революционного фронта.

ОТКРЫЛАСЬ СКАНДИНАВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

СТОКГОЛЬМ, 15 апреля. (ТАСС). Вчера **в Копенгагене** открылась антифашистская конференция скандинавских стран при участии 400 делегатов, из них 200 из Дании, 114 из Швеции и 24 из Норвегии. В конференции участвуют представители ряда реформистских профсоюзов и много социал-демократических рабочих. Единственный пункт повестки дня конференции—**«фашистская опасность и борьба против нее».**

На конференции присутствуют также представители антифашистских организаций **Англии, Франции, Чехо-Словакии, Исландии и Германии.**

На конференции выступил также **Анри Барбюс,** встреченный возгласами **«Рот фронт»,** пением **«Интернационала»** и продолжительными овациями.

Обнищание рабочего класса в Германии.

(По телефону от нашего берлинского корреспондента).

БЕРЛИН, 14 апреля. Вчера вышел недельный обзор Берлинского кон'юнктурного института. Отчет не в состоянии скрыть картину глубочайшего обнищания трудящихся масс Германии.

Доход рабочего класса непрерывно падает. В первом квартале 1933 г. общая сумма зарплаты рабочих и жалованья служащих упала на **6** проц. по сравнению с четвертым кварталом 1932 г.

Не менее красноречивы данные об оборотах розничной торговли, свидетельствующие о резком **падении потребления.** К концу 1932 г. обороты упали на **37** проц. по сравнению с 1929 г. Потребление продуктов питания и топлива упало «всего» на одну треть. Потребление одежды и текстильных изделий, а также предметов домашнего обихода сократилось почти вдвое.

Производство предметов потребления упало с 1929 г. в среднем на **24,4** проц., производство текстильной промышленности — на **32** проц., производство одежды—на **35,7** проц., производство предметов домашнего обихода—на **49** проц.

Характерно, что наряду с количественным сокращением производства предметов широкого потребления происходит резкое падение качества продукции. Промышленность переходит от более дорогих и высококачественных сортов к дешевым и менее высокого качества товарам и к суррогатам: дешевые сорта папирос вытесняют более дорогие, искусственный шелк и хлопчатобумажные ткани вытесняют шерсть и полотно и т. д.

Черняк.

Антифашистский фронт на фабриках и заводах.

ЦЮРИХ, 15 апреля. **(Соб. инф. «Правды»).** По сообщению **«Антифашистише фронт»,** борьба германского пролетариата против фашистского террора принимает все более широкие размеры.

В одной из больших берлинских типографий, **«Селле Эйслер»,** штурмовики пытались арестовать двух работников революционной профоппозиции. Рабочие оказали сопротивление штурмовикам. Вызванная полиция вынуждена была отказаться от арестов.

На фанерной фабрике в **Нейкельне** (район Берлина) штурмовики встретили сопротивление со стороны рабочих при аресте одного революционного рабочего. Когда штурмовикам все же удалось увести арестованного, рабочие об'явили забастовку, и полиция вынуждена была освободить арестованного штурмовиками рабочего.

В **Крейцнахе** фашисты арестовали работников профдвижения на фабрике **Тэйса.** Рабочие этой фабрики выбрали комиссию для переговоров об освобождении арестованных. Несмотря на то, что фашисты арестовали членов этой комиссии, все же рабочие добились освобождения всех арестованных.

В **Бреславле** штурмовики напали на рабочих, отказавшихся подняться при пении фашистского гимна. Завязалась рукопашная, закончившаяся перестрелкой. Убиты два фашиста.

В **Дюссельдорфе** рабочие оказали ожесточенное сопротивление напавшим на них фашистам. Три штурмовика ранены.

Рабочие азотной фабрики **«Прейстениц»** заставили предпринимателей удалить из фабрики вспомогательную полицию.

Рабочие возмущены фашизацией профсоюзов. В **Ганновере** 12 профсоюзных организаций решили протестовать против фашизации.

«Антифашистише фронт» сообщает также о том, что на фабриках и заводах Германии распространяется большое количество коммунистических листовок.

Трещина в англо-германской дружбе.

ЛОНДОН, 14 апреля. (ТАСС). В связи с протестом германского посла в Лондоне против антигерманских выступлений в палате общин британские официальные круги стоят на той точке зрения, что правительство не несет ответственности за мнения, высказываемые членами палаты общин. Эта точка зрения будет сообщена германскому послу.

В заявлении Остина **Чемберлена** в палате общин, повлекшем за собой протест германского правительства, указывалось, что новая Германия воплощает в себе худшие стороны старого пруссачества, усугубляя их дикой националистической запальчивостью и неспособностью предоставить своим подданным равенство и гражданские права в стране, к которой они принадлежат.

По словам Чемберлена, необходимое разоружение станет возможно лишь тогда, когда будет установлено, что Германия намерена использовать свое равноправие для обеспечения безопасности как для самой себя, так и для других стран, и что она умеет не только жить, но и давать жить другим как на своей собственной территории, так и за ее пределами.

Удовлетворение в Париже.

(От нашего парижского корреспондента).

ПАРИЖ, 15 апреля. Вся печать приветствует антигерманские заявления, сделанные в английском парламенте. **«Тан»** пишет: «Прения, которые происходили вчера в палате общин, вызовут сильнейший отклик во всей Европе. Отклик, который они должны вызвать в Берлине, Риме и всей Центральной Европе, покажет нам, в какой мере было понято это серьезное предупреждение».

«Пари суар» пишет: «Потеряв Россию, Германия боится оттолкнуть от себя Англию. Может быть, страх перед изоляцией заставит Германию образумиться». **«Журналь»** пишет: «На этом историческом заседании можно было слышать лишь голос возмущения событиями в Германии. Франция должна с удовлетворением найти в этом подтверждение правильности своей разумной политики».

Радикальная **«Эр нувель»** рассматривает это заседание парламента как победу французского тезиса и пишет: «Благодаря нашему благоразумию и прозорливости мы сумели раскрыть итало-германские интриги. Эта же политика дает нам возможность с таким же успехом защищать в Вашингтоне интересы Франции, как и вообще интересы всеобщего мира. Так как Францию считают врагом Германии, то если бы она первой протестовала против гитлеровских действий, никто не поверил бы в ее искренность, говорили бы, что наша страна пользуется всяким случаем для нападок на Германию; но если Англия стала во главе движения протеста после того, как она выступила за пересмотр договоров, то это должно, конечно, произвести гораздо большее впечатление».

«Пари миди» пишет о германо-советских отношениях:

«Гитлеровская Германия собирается уничтожить плоды 15-летней упорной работы германской дипломатии на востоке Европы».

Рони.

ГЕРМАНСКОЕ МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЫРАЗИЛО СОЖАЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ОБЫСКА У ТОВ. ФАЙНШТЕЙНА.

БЕРЛИН, 14 апреля. (ТАСС). Министерство иностранных дел выразило полпредству СССР сожаление по поводу обыска, произведенного у зам. торгпреда тов. **Файнштейна.**

АРЕСТ ЗАВ. ОТДЕЛЕНИЕМ «ДЕРОПА» В ШТУТГАРТЕ.

БЕРЛИН, 13 апреля. (ТАСС). Штутгартская полиция арестовала заведующего местным отделением **«Деропа»** советского гражданина **Доброхотова.** Несмотря на протесты полпредства, Доброхотов до сих пор не освобожден.

Безобразия в подготовке к севу на Урале.

СВЕРДЛОВСК, 14 апреля. **(Наш корр.).** Сев на Урале еще только начинается, но бестолочь в областных земельных органах, их оторванность от районов и колхозов уже выявились в полной мере.

— 7 апреля колхоз «Путь к социализму» засеял первые 3 га, да еще в Магнитогорском районе, кажется, колхозники вышли в поле, — это все, что могут сообщить в облзу.

— Собственно, — говорит зав. производственным отделом Зернотрактора т. **Лоцилов,** — южные МТС могли уже начать сев, но начали они или нет, мы не знаем, а нужно ли начать, пусть решают сами.

Многие МТС и колхозы не имеют никакого представления о сверхраннем севе, а облзу не удосужилось дать хоть какие-нибудь ориентировочные указания.

Яркий пример—**Варгашинская МТС.** В колхозах, которые она должна обслуживать, земля выходит из-под снега, пора начинать сверхранний сев. Надо засеять 1.200 га. Эту цифру разверстали среди всех колхозов, даже тех, которые не имеют подготовленной земли. Разверсткой дело и кончилось. Когда и как проводить сев, в колхозах не знают. В артелях им. Юдина, «Урал», в коммуне «Красный самолет», района этой же МТС, путают сверхранний сев с ранним. Участковый агроном Волков и агротехник первого участка Шкодских, единственные, **кто обладает** среди работников МТС кое-какими агрознаниями, тоже понятия не имеют о сверхраннем севе.

В колхозах нет ни планов сверхраннего сева, ни сроки не установлены, не определены и участки.

Все же во многих районах начался сверхранний сев. Кроме колхозов **Полтавского** района, выехали в поле колхозы **Увельского, Шадринского и Каменского** районов. Засеял первые гектары в грязь колхоз **им. Сталина, Челябинского** района. Начал сеять **камышловский** совхоз **им. Молотова.**

И первые выезды в поле показали, что некоторые колхозы совершенно не подготовились к полевым работам.

Вот, например, в Увельском районе колхоз «Путь Ленина». Здесь собирались выезжать с 5 до 9 часов утра. Вышли на работу только подростки, хотя взрослые остались без всякого дела в деревне. Участки заранее здесь не были выбраны, нормы, расценки колхозникам не известны. Лошади остались без корма, так как его не перевезли из-за реки.

Облзу и многие районные организации **забыли о роли и значении производственной бригады.** Облзу и большинство районов недопустимо затянули введение севооборотов, составление производственных планов в колхозах. В Щучанском районе бригады до сих пор не укомплектованы людьми, не имеют посевных планов, земельные участки им не указаны. Такое же положение в **Шадринском, Петуховском, Белозерском, Куединском, Бродокалмакском, Лебяжском, Шумихинском** и др. районах.

В **Талицком** районе также не созданы еще бригады, не выделены участки. По зав. райзо и директор МТС считают это пустяковым делом, на которое не стоит тратить труд в такое «горячее» время.

Можно полагать, что если на этом участке подготовки к весне сделано так непростительно мало, то, следовательно, областные и районные организации все свое внимание направили на другие работы, которые считали более важными.

Но и на других участках не лучше. Обмен семян, например, тоже не пользуется особым вниманием. Его безобразно затянули. На 6 апреля обменено 117.875 центн.—19,7 проц. И в то же время на склады Заготзерна поступило от колхозов 342 тыс. центн. Это яркое доказательство того, что обменные операции затягиваются исключительно из-за неповоротливости, медлительности райзо, отделений Заготзерна.

Зав. каменским райзо, где уже начался сев, **Меньшиков** все еще «уточняет» планы, и поэтому пока обменено только 6 тонн.

Ремонт тракторов также еще не закончен. На 10 апреля МТС и совхозы Наркомзема отремонтировали всего 80 проц. машин.

„Уралуголь“ занялся непривычным делом.

(По телефону от нашего специального корреспондента).

СВЕРДЛОВСК, 15 апреля. Комиссия Исполнения при Совнаркоме СССР поручила прокуратуре выяснить вопрос о привлечении к судебной ответственности руководителей **«Уралугля»** за задолженность рабочим по заработной плате. Мы решили помочь управляющему «Уралуглем» т. **Абрамову** и написать несколько слов о забойщике **Егоре Коняеве.** Забойщик Егор Коняев, ударник, вот уже около двух месяцев не получает заработной платы. Забойщик Егор Коняев хочет знать, кому он обязан таким вниманием.

К сожалению, история с забойщиком Коняевым не случайный, а обязательный штрих в хозяйственной деятельности «Уралугля» и его управляющего т. **Абрамова.** Этот штрих дает тон всей картине в «Уралугле». Потому что не один Коняев обивает пороги в поисках своего где-то затерявшегося заработка.

В некоторых центральных учреждениях имеются цифры, свидетельствующие о задолженности «Уралугля» по заработной плате. Эти цифры не совсем точны. Они преуменьшены в два—три раза.

Разрешите поделиться нашими данными. Задолженность «Уралугля» по заработной плате на 1 марта 1933 года—9.300 тыс. руб. На 1 апреля—9.900 тыс. руб. Остаток с декабря прошлого года—980 тыс. руб. С января—2.700 тыс. руб. С февраля—3.500 тыс. руб.

Как видите, болезнь застарелая. К этой хвори легкомысленно относились. Болезнь дала сильные осложнения. Директивы партии бездушные чиновники игнорировали.

В «Уралугле» заболела рука, распределяющая заработную плату. Онемела. Перестала действовать.

Но при внимательном анализе выясняется, что болезнь, точно весенний паводок, разлилась по всему организму. В частности, не в порядке и голова...

Не было руководства. Не было контроля. Не было финансовой дисциплины. Деньги сыпались, как зерно из разорванного мешка. Шахтоуправления вдохновенно разбрасывали червонцы, считая всякие сметы и лимиты мелкобуржуазным предрассудком. Деньги по многочисленным руслам уплывали и только еле-еле просачивались в ту кассу, которая выдает зарплату рабочим.

За прошлый год «Уралуголь» потерпел убытки, так как никакой борьбы за снижение себестоимости продукции не было. Себестоимость угля, например, по **Кизелу**—60 проц. **сверх** плана, по **Новому Кизелу**—100 проц., **Усьве**—100 проц., **Челябинскому** шахтоуправлению—130 проц. сверх плана.

Самый добродушный человек не назовет эти цифры яркими показателями умения работать и руководить. И даже сами руководители треста авторитетно свидетельствуют, что можно было вполне уложиться в плановую себестоимость. Можно было, но нельзя было... из-за головотяпства и бесхозяйственности.

Фондом заработной платы распоряжались с легкостью необычайной. **На внетитульное, неразрешенное строительство ухлопали из этих денег свыше $3\frac{1}{2}$ млн рублей.** Что касается разрешенного строительства, то оно производилось самым запрещенным образом. Например, жилищное строительство дало удорожание сверх плана на 10 млн рублей (46 проц.).

Одним вовсе не платили. Другим переплачивали. **За 1932 год фонд заработной платы перерасходован на $4\frac{1}{2}$ млн рублей.** Разрыв между производительностью труда и заработной платой! Излишки рабочей силы. Излишки служащих.

Вот, например, данные по **Южнокопейскому** шахтоуправлению. **В январе было 4,2 проц. служащих сверх установленных штатов и 65,5 проц. лишнего обслуживающего персонала. В феврале—5,5 проц. лишних служащих и 69 проц. лишнего обслуживающего персонала.**

И еще, и еще, и еще. Сотни тысяч, миллионы. Перерасходы на излишнее оборудование. Незаконченные заготовки. Блуждающие подотчетные суммы. Угрюмо-недвижные, неликвидные фонды.

Вот почему Егор Коняев и другие месяцами не получали заработной платы.

И вдруг подуло свежим ветром. В двери трестовских кабинетов начали упорно стучаться призраки предстоящих выговоров и прочих внеплановых неприятностей. Весть о решении Комиссии Исполнения подействовала.

Совершилось чудо: **появились деньги для заработной платы! Это приключилось сегодня, вчера. Свежее явление.**

С прилежанием, достойным всяческих похвал, занялись даже таким скучным и непривычным делом, как мобилизация внутренних ресурсов. Еще третьего дня жаловались: «нет ни гроша», а сегодня появился алтын.

Егор Коняев доволен. Но он хочет, чтобы в будущем не повторялись такие дела. Он хочет, чтобы люди, нарушающие директивы партии, забывающие выплачивать рабочим заработную плату, понесли серьезную ответственность. Чтоб не повадно было и другим бюрократам. Прокуратура может и должна это обеспечить.

Г. РЫКЛИН.

О выполнении Наркомлегпромом плана отгрузки спецодежды и спецобуви для рабочих тяжелой промышленности в I квартале 1933 года.

Постановление Комиссии Исполнения при Совете Народных Комиссаров Союза ССР.

Заслушав представителей Наркомлегпрома—т. **Еремина,** Наркомтяжпрома—т. **Фигатнера,** ВЦСПС— т. **Вейнберга** и НК РКИ—т. **Ремейко** о выполнении Наркомлегпромом плана отгрузки спецодежды и спецобуви для рабочих тяжелой промышленности в 1-м квартале 1933 года, Комиссия Исполнения—**постановляет:**

1. Считать установленным, что, в результате невнимательного, а в ряде случаев безответственного отношения отдельных работников Наркомлегпрома, задание Правительства о своевременном снабжении рабочих тяжелой промышленности спецодеждой и спецобувью, несмотря на все возможности, Наркомлегпромом выполнено в январе, феврале и марте месяцах не полностью по большинству видов спецодежды и совершенно неудовлетворительно по спецобуви и важнейшим видам брезентовой спецодежды (рукавицы, фартуки и др.).

2. Наряду с этим, Комиссия Исполнения отмечает, что сектор труда Наркомтяжпрома (т. Фигатнер) и Главные Управления НКТП недопустимо затянули выдачу разнарядок на отгрузку спецодежды и спецобуви по предприятиям и не установили контроля за фактической отгрузкой и получением предприятиями спецодежды и спецобуви.

3. Комиссия Исполнения также отмечает, что со стороны органов Наркомтруда СССР недостаточно организован контроль за выполнением директив Правительства о своевременном снабжении рабочих спецодеждой и спецобувью.

4. Обязать Наркомлегпром СССР, под ответственность зам. Наркомлегпрома т. Еремина, не позднее 25-го апреля закончить отгрузку спецодежды и спецобуви для рабочих тяжелой промышленности по плану 1-го квартала и обеспечить полное и своевременное выполнение установленного Правительством плана отгрузки спецодежды и спецобуви во 2-м квартале с. г.

5. За неудовлетворительное выполнение плана отгрузки спецобуви и спецодежды, приведшее к срыву своевременного и нормального снабжения рабочих тяжелой промышленности спецодеждой и спецобувью б. начальнику «Спецпромснабобыта» НКЛП т. Опарину и зам. нач. Кожснабобыта НКЛП т. Эдельману об'явить выговор.

6. Начальнику сектора материальных балансов Наркомлегпрома тов. **Левину, Л. С.,** ответственному за своевременное выполнение плана отгрузки спецодежды и спецобуви, за недостаточный контроль и непринятие мер к выполнению плана отгрузки поставить на вид.

Председатель Комиссии Исполнения В. МОЛОТОВ (Скрябин).

Секретарь Комиссии Исполнения М. РЕМИЗОВ.

Москва, Кремль, 15 апреля 1933 г.

Чествование Мариэтты Шагинян

19 апреля в оргкомитете союза советских писателей—торжественное заседание, посвященное 30-летию литературной деятельности писательницы Мариэтты Шагинян. Со вступительным словом выступит секретарь оргкомитета тов **Кирпотин.** Доклад о творчестве М. Шагинян сделает тов. **Ермилов.**

ИЗВЕЩЕНИЕ.

ПКК ВКП(б) предлагает т. Алкснису Яну Карловичу явиться 17 апреля 1933 г. на заседание Партколлегии ЦКК к 10 час. утра, комн. 416.

«КРАСИН» В МУРМАНСКЕ.

«ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ— ПОЙДЕМ К ПОЛЮСУ».

МУРМАНСК, 15 апреля. (Роста). Вчера в полдень сюда прибыл ледокол «Красин».

На пристани у борта «Красина» состоялся митинг рабочих города. Выступая с речью о героическом рейсе ледокола, тт. **Шевелев** и **Легздин** заявили: «Если явится необходимость дойти до Северного полюса при этих технических вооружениях, то под руководством партии мы сумеем его достичь. Эта задача вполне разрешима».

По пути из бухты Архангельской в Русскую гавань экспедиция открыла и нанесла на карту два небольших острова.

По СССР.

Ударники Балахнинского комбината взяли на себя обязательство к 1 мая за счет перевыполнения программы дать «Правде» эшелон бумаги.

Два автомобиля-разведчика отправляются для исследования самого трудного участка подготавливаемого пробега через пустыню Кара-Кум: **Ташкент—Хива—Кзыл-Арват.** Старт пробега—30 июня.

Из Рыбинска вверх по Волге вышел первый пассажирский пароход «Радищев». Волга очистилась от льда.

30 новых речных катеров, в том числе 15 двухпалубных, выпущены московской судоверфью. В прошлом году на Москва-реке курсировало всего 25 речных трамваев.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ С ФРОНТА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Закончены испытания Соликамской калийной обогатительной фабрики.

СОЛИКАМСК, 15 апреля. **(Наш корр.).** Гарантийные испытания на обогатительной фабрике первого Соликамского калийного рудника закончились. 14-го сильвинит перерабатывался приготовленными во время испытания щелочами. В работу включены все механизмы. Монтаж — высокого качества.

15-го ожидается выход 85-процентного хлористого калия. С этого момента химфабрика вступает в эксплоатацию. Пуск фабрики замыкает производственное звено.

Это будет большая победа калийщиков. Обогащение сильвинита на 75 проц. освободит транспорт от перевозки примесей, содержащихся в сырой калийной соли.

ЗАБРУСКОВ.

ВЫПЛАВКА МЕТАЛЛА

(в тыс. тонн).

	8 апреля	9 апреля	10 апреля	11 апреля	12 апреля
ЧУГУН	18,8	19,1	19,2	19,4	20,3
СТАЛЬ	17,0	16,9	17,7	18,0	17,3

Уголь.

ДОБЫЧА ПО СССР.

12 апреля по трестам Наркомтяжпрома добыто 176.357 тонн угля, на 14.828 тонн меньше, чем в предыдущий день. Снижение добычи об'ясняется выходным днем на ряде шахт. Общий итог по Союзу не выведен из-за неполучения сведений от треста «Трансуголь». Отдельные бассейны дали (в тоннах; в скобках указано сравнение с предыдущим днем):

Донбасс	122.594	(—11.036)
«Кузбассуголь»	21.684	(— 1.725)
«Уралуголь»	11.158	(— 40)
«Москвуголь»	10.266	(— 101)
«Востсибуголь»	4.424	(— 759)
Караганда	3.064	(+ 24)
«Средазуголь»	1.961	(— 790)
«Дальуголь»	1.204	(— 121)

ДОБЫЧА ПО ДОНБАССУ.

13 апреля по Донбассу добыто 131.740 тонн угля, на 9.156 тонн больше, чем в предыдущий день. Отдельные тресты дали:

«Донбассантрацит»	34.129	(+1.196)
«Сталинуголь»	31.092	(— 64)
«Артемуголь»	21.566	(+3.030)
«Кадиевуголь»	20.441	(— 241)
«Севдонуголь»	14.015	(+2.303)
«Луганьуголь»	9.759	(— 79)

Телефоны редакции: Справ. бюро (круглые сутки)—1-21-55, отд. ... [illegible]

Уполномоч. Главлита № В—53325.

Типография газеты «Правда», Москва, ул. им. Горького, 48.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 6, ул. М. Горького, 48.

Рукописи не возвращаются.

Издат. № 307.